

Офицерский
Честь и имя
роман

*Иван
Черных*

Правый
пеленг

Офицерский роман. Честь имею

Иван Черных
Правый пеленг

«ВЕЧЕ»

2017

Черных И. В.

Правый пеленг / И. В. Черных — «ВЕЧЕ», 2017 — (Офицерский роман. Честь имею)

ISBN 978-5-4444-9057-0

Роман старейшего российского военного писателя Ивана Васильевича Черных посвящен летчикам бомбардировочной авиации дальнего действия, громившим во время Великой Отечественной войны фашистских захватчиков на юге нашей страны. Судьбы трех его главных героев – командира полка Федора Меньшикова, командира экипажа Александра Туманова и оперуполномоченного Виктора Петровского – людей незаурядных и волевых, раскрываются в жестоких схватках с врагом и в острых конфликтных ситуациях. В тяжелейшей боевой обстановке зреет их ратное и командирское мастерство, крепнет фронтовая дружба.

ISBN 978-5-4444-9057-0

© Черных И. В., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	16
4	19
5	21
6	27
7	29
8	32
9	36
10	38
11	39
12	43
13	45
14	48
15	50
16	54
17	56
18	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Иван Черных

Правый пеленг

© Черных И.В., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

В 2004 году я в числе летчиков-ветеранов был приглашен на юбилей полка – 60 лет назад ему за активное участие в освобождении Севастополя было присвоено звание Севастопольский. Полк и ныне один из ведущих в Вооруженных силах, оснащен самыми современными стратегическими бомбардировщиками дальнего действия – Ту-160, вооруженными ракетно-ядерным оружием, самонаводящимися пушками, автономно открывающими огонь по истребителям или ракетами, способными поражать цели с дальнего расстояния, не заходя в противоздушную зону противника.

Мы с восторгом рассматривали воздушные чудо-броненосцы и радовались за преемников, которым довелось летать на них. Сожалели лишь о том, что мало приехало на юбилей ветеранов: многих уже нет в живых, других разбросала судьба не только по стране, но и по республикам, ставшим по чьей-то воле зарубежьем.

В полк я прибыл в 1950 году, после окончания Балашовского военного авиационного училища летчиков Дальней авиации; считал себя счастливчиком: прославленный полк, уже в сорок втором ему было присвоено звание «Краснознаменный, гвардейский». С первых дней войны экипажи наносили бомбовые удары по стратегическим объектам фашистов – Бухаресту, Будапешту, Берлину, Кёнигсбергу и другим городам, военно-морским базам. 19 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза, двум дважды. У асов было чему поучиться.

В перерывах между полетами или в ожидании улучшения погоды мы собирались в аэродромном домике, и частенько фронтовики предавались воспоминаниям о войне. Для нас, молодых летчиков, полковники Семен Павлович Золотарев, Иван Максимович Хрущев, Яков Иванович Штанев, майор Сергей Степанович Маркин были не только героями, асами, с кого мы брали пример, но и любимыми командирами, кому мы подражали; их воспоминания мы слушали с особым вниманием. Рассказы волновали нас, западали в память.

В то время я только пробовал свои литературные силы, и мне очень хотелось, чтобы о подвигах однополчан узнали многие советские люди. Так появились первые очерки, рассказы.

Позже, после окончания Литературного института имени А.М. Горького, я приступил к работе над романом. Большую помощь в сборе материала оказали мне бывший командир дивизии генерал Ф.И. Меньшиков, командир полка А.М. Омельченко, его заместитель по политической части Ф.П. Казаринов и другие ветераны.

Образы лучших людей полка, их судьбы и ратные дела и легли в основу этого произведения.

Автор

Часть первая

1

*27/VI 1941 г. Боевой вылет с бомбометанием по Бухаресту.
(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)*

Пятые сутки коротали летчики под крыльями бомбардировщиков, томимые жарой, не спадавшей даже после захода солнца, и ожиданием первого боевого вылета, первой встречи с опасностью. Каждый понимал, что кто-то с задания не вернется и что этим «кто-то» может оказаться его экипаж или лично он.

Темнота надвигалась медленно, как-то нехотя, а зарево пожара над Севастополем разгоралось все сильнее и поднималось все выше. Его отблески долетали сюда, на Сакский аэродром, и зловещими кровавыми бликами вспыхивали на крыльях и фюзеляжах самолетов.

Майор Меньшиков закончил обход рассредоточенных и укрытых маскировочными сетками бомбардировщиков – время от времени командир покидал оборудованный в землянке КП, чтобы переброситься несколькими фразами с членами экипажей, разрядить нервное напряжение, – и вернулся к потрескивающей грозowymi разрядами радиции, к загадочно молчавшим телефонам.

Пятый день идет война, пятый день полк находится в боевой готовности: летчики и штурманы, воздушные стрелки и радисты, инженеры, механики, техники, мотористы ни днем ни ночью не покидают аэродром, ждут команды на вылет. И если в первый день настроение у летного состава было боевое, даже, можно сказать, приподнятое, то теперь Меньшиков видел, как потускнели лица многих: притух зазорный, азартный огонек в глазах, поубавилось в разговорах остроумие, шуток. Причина понятна: немецкие летчики хозяйничают в небе, на глазах всего личного состава сбили два истребителя из соседнего полка, а бомбардировщики поджигают, как фанерные макеты, с первой атаки... Совсем не такая война, какой она представлялась, совсем не такой противник... Безднаказанность фашистов, их успехи на фронте угнетающе действовали на людей, вселяли в них неуверенность. Меньшиков пытался приподнять дух подчиненных рассказами об успешных боях летчиков других частей, о том, как били фашистов в небе Испании, но чувствовал: помогает это мало. Откровенно говоря, Меньшиков и сам испытывал тревогу, неуверенность. Нет, погибнуть он не боялся – о смерти он не думал. Тревожило другое: справится ли он с обязанностями командира полка? Всего три дня назад он командовал эскадрильей, даже заместителем командира полка не был, и вдруг: «Принять полк!» Предшественника забрали на место погибшего командира дивизии, заместитель же где-то застрял на курсах подготовки ночных летчиков.

Говорят, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Меньшиков завидовал своим товарищам, которые легко поднимались по служебной лестнице. Его же судьба не баловала: прежде чем стать летчиком, он отслужил срочную, три года проработал мотористом и лишь к тридцати годам окончил летную школу. Самолет он чувствовал и понимал, как живое существо, потому пилотажное дело давалось ему легко, а вот командирское... Товарищи чуть ли не каждый год получали повышение по службе, его же командиром звена назначили в тридцать пять лет, командиром эскадрильи – в сорок. И почти сразу – командиром полка.

Трудные, томительные часы ожидания. Почему КП дивизии не дает команду на вылет?..

Зарево над Севастополем то ослабевало, то усиливалось: видимо, бомбардировщики шли волна за волной. Да, преимущество гитлеровской авиации подавляющее. Неслучайно немецкие военные теоретики в своих трудах доказывали решающую роль самолетов в будущих вой-

нах. И сделали свое дело: Германия столько настроила бомбардировщиков, истребителей, разведчиков, что всюду в небе только они. А наши... Будто все уничтожены. Но нет же, не все! Полк Меньшикова не потерял пока ни одного самолета. Правда, и не совершил еще ни одного боевого вылета, другие же полки именно на земле понесли большие потери. Меньшиков за день до начала войны дал команду перелететь на запасной аэродром...

18 июня к Меньшикову приехали жена с дочуркой: до этого они жили в Подмосковье, где ранее служил Федор Иванович. Он не торопился брать их в Саки в предчувствии скорой войны – об этом только и говорили, – да и фашистская армия вела себя нагло, вероломно, пол-Европы уже захватила; но Зина сама приняла решение.

По случаю их приезда Федор Иванович устроил праздничный ужин, на который пригласил соседа с женой, уполномоченного особого отдела капитана Петровского, тоже до недавнего времени жившего одиноко – жена заканчивала институт в Киеве, – и им довелось скоротать вместе не один вечер. Нельзя сказать, чтобы они были большими друзьями, но друг другу доверяли. В полк Петровский прибыл весной, чуть позже Меньшикова; ранее, по его рассказам, служил в штабе округа, но за какую-то промашку был переведен сюда, на юг, и назначен оперативным уполномоченным особого отдела в полк. Он хорошо знал английский и немецкий, частенько слушал заграничные передачи. Меньшикову нравились его комментарии, его смелые, со знанием дела суждения о политике государственных деятелей. В тот вечер после небольшого застолья они, оставив жен обсуждать моды сезона, удалились в квартиру Петровского. Капитан включил радиоприемник. Диктор на английском языке говорил о чем-то возбужденно, запальчиво, часто повторяя: «Гитлер», «рашен».

– Все о войне, – закуривая папиросу, кивнул на приемник Петровский. – Говорят, что Гитлер сосредоточил и развернул вдоль нашей границы более сотни дивизий и что вот-вот произойдет вторжение.

– Ну, насчет вторжения они, пожалуй, преувеличивают, – высказал свое мнение Меньшиков, – хотя фашистская авиация наглет с каждым днем, нарушает границу все чаще. А нам дан приказ не поддаваться на провокацию. Как это понимать?

– Как? – Петровский задумчиво выпустил дым. – Такими вещами не шутят. И англичане... очень уж злорадствуют. Хотелось бы им столкнуть нас лбами, с апреля вещают, что не завтра, так послезавтра Германия нападет на Советы... Сложная, очень сложная обстановка...

Англичанам, несомненно, верить было нельзя, но то, что немецкие самолеты часто вторгались на нашу территорию, летали над аэродромами, расположением войск, над военными объектами, очень и очень настораживало, и Меньшиков, пользуясь тем, что вскоре должны были начаться летно-тактические учения, 21 июня дал команду полку перебазироваться на запасной аэродром. Вот потому-то полк пока и не понес потерь.

Пока... Каким окажется боевой вылет? Без истребителей сопровождения придется нелегко. Меньшиков взглянул на часы. Без десяти одиннадцать. Пора бы взлетать: до Бухареста, по которому должна нанести бомбовый удар его группа, лету около трех часов да обратно столько же, а светать начинается в начале четвертого. Значит, фашистские истребители, севшие на острове Змеином, могут и постараются перехватить бомбардировщиков. Каждая минута промедления не на пользу полку. Майор снял трубку прямого телефона с КП дивизии. Ему ответили сразу:

– Оперативный дежурный слушает.

– Двадцать первый беспокоит. Как там обстановка? Почему нет команды?

– Ждите, – сухо ответил оперативный дежурный. – Команда будет.

– Пятые сутки ждем. Под крыльями, на голой земле...

– По мягким постелям соскучились? – перебил его недовольный голос командира дивизии. – Привыкайте, Федор Иванович, под крыльями спать и в кабинах самолетов. Даю вам еще два часа. И ни шагу от машин. Ясно?

Меньшиков положил трубку и, дав команду дежурному по аэродрому оповестить экипажи о двухчасовом отдыхе, вышел на улицу. Небо над Севастополем по-прежнему полыхало багрянцем, где-то гудели самолеты – нудно, с завыванием: не наши, – то там, то здесь ввысь взвивались ракеты, трассирующие пули. Голова была тяжелая, хотелось спать: с раннего утра 22 июня он на ногах и, можно сказать, не отдыхал, а в полете надо быть собранным, сообразительным, принимать решения в доли секунды. Надо обязательно поспать хотя бы эти два часа.

Майор постоял еще с минуту и направился к своему бомбардировщику.

До экипажа уже дошла команда об отдыхе: штурман, начальник связи и воздушный стрелок лежали под крылом на брезенте, положив под голову парашюты. Из темноты навстречу Меньшикову вынырнул механик – он был за дневального – и отрапортовал:

- Товарищ командир, экипаж находится на отдыхе.
- Вижу, вижу, – остановил его жестом руки Меньшиков. – Все в порядке?
- Так точно.
- Хорошо. Дежурьте. В случае чего я буду в кабине.
- Есть!
- Товарищ командир, идите к нам, – позвал штурман.
- Спасибо, в кресле удобнее.

Усталость взяла свое: он задремал. Сквозь сон услышал обрывки фраз:

– А может, отложим? Вряд ли она дожидается. – «Гордецкий», – узнал голос Меньшиков.
– Дожидается, – уверенно возразил второй голос. – Собственно, ты как хочешь, а я все равно схожу.

«Кто же это? Похоже, Туманов... Точно, он, дружок Гордецкого. И чего им не спится?» Голоса и шаги удалились, приятная тишина обволокла Меньшикова, и все растворилось в ней, исчезло.

Ему казалось, задремал на минутку, а открыл глаза – светает. Он ужаснулся: проспал вылет!

– Товарищ командир, взлет в четыре ноль-ноль, – приподнялся на крыло дежурный по аэродрому. – Все остальное без изменения.

«Так вот кто меня разбудил». – Меньшиков взглянул на самолетные часы – без семи минут три. Вот это вздремнул!

– Объявите: в три часа построение на последние указания.

Меньшиков обошел строй и остался доволен: отдых снял с подчиненных напряженность – лица посвежели, повеселели, в глазах засветилась прежняя уверенность. Лишь лейтенант Туманов стоял хмурый, глядя себе под ноги. Но он и в лучшие времена не отличался веселым нравом. Кто-то из полковых остряков нарек его Хмурым, так эта кличка и прикипела к нему намертво. Меньшиков же испытывал к лейтенанту чувство жалости и сочувствия: Туманов рос и воспитывался без родителей, видно, это и наложило отпечаток на его характер; зато он был дисциплинированным и исполнительным летчиком, разбирался в технике не хуже инженеров и пилотировал наравне с опытными летчиками. Потому майор и включил его в состав боевой группы, куда вошли лучшие экипажи полка.

Командир полка вышел на середину строя, где уже стояли начальник штаба, заместитель по политической части, старший инженер, метеоролог, и, к своему удивлению, обнаружил рядом с ними уполномоченного особого отдела капитана Петровского. Раньше он никогда не появлялся на построениях, тем более на последних указаниях перед полетами. Капитан напряженно и внимательно всматривался в лица летчиков, штурманов, воздушных стрелков и радистов, и нельзя было не заметить, что он чем-то озабочен, недоволен. Наблюдали за ним и стоявшие в строю.

Меньшиков поспешил начать последние указания.

2

*27 июня 1941 г....Наши Черноморский флот совместно с авиацией
нанес удар по базе немецких кораблей в Констанце...
(От Советского информбюро)*

Бомбардировщики тяжело завывали моторами, неся в своем чреве по тысяче килограммов бомб, а Меньшиков и командиры эскадрилий подвесили по тысяче двести. Собрались северо-западнее аэродрома, над озером, построились звеньями в правый пеленг, и Меньшиков повел своих ведомых к цели. Группа состояла из семнадцати самолетов. Девять из них во главе с командиром полка должны были нанести удар по военным объектам Бухареста и две четверки – по нефтезаводам Констанцы и Сулины.

Высота заметно росла, в кабине становилось прохладнее. Меньшиков отстегнул лямки парашюта и надел меховую куртку, захваченную на всякий случай. А когда стрелка высотомера перевалила за пять тысяч, почувствовалась и нехватка кислорода – голова дремотно затуманилась, в теле появилась слабость.

– Надеть кислородные маски, – приказал членам экипажа Меньшиков по самолетному переговорному устройству. Догадались ли сделать то же ведомые? Связи с ними не было – бомбардировщики шли в режиме радиомолчания, чтобы не дать немцам обнаружить себя. Похоже, догадались: самолеты летели как на параде, строго выдерживая место в строю.

Стрелка высотомера достигла шести тысяч, Меньшиков перевел бомбардировщик в горизонтальный полет и окинул землю взглядом. Под крыльями было уже море, пустынное, без конца и края. Ни одного кораблика, ни лодки. Будто все вымерло. Хотя появление корабля могло вызвать и появление истребителей: немцы выставляли посты ВНОС¹ и в море. Встречаться с истребителями Меньшиков опасался. Может, потому, что видел, как они поджигали наши бомбардировщики, может, потому, что до огня зениток было еще далеко.

Первое звено Меньшикова состояло из наиболее опытных летчиков, прошедших крещение огнем в Финляндии; за них командир беспокоился менее всего. Второе вел капитан Цветов, тоже боевой, обстрелянный пилот. А вот ведомые его, лейтенанты Туманов и Гордецкий, не только пороху – плохой погоды не нюхали. На земле вроде бы лихие парни, а какими окажутся в небе, в бою? Третьим шло звено капитана Колесникова с ведомыми старшими лейтенантами Ситным и Холоповым. На недавних летно-тактических учениях все три экипажа снайперски отстрелялись и отбомбились на полигоне. Колесников, как и Меньшиков, службу в авиации начал с авиамеханика, к летному делу относился как к сложной и ответственной работе, требовал от подчиненных пунктуального выполнения своих обязанностей, совершенных знаний и мастерского владения техникой. Две замыкавшие подгруппы (они шли четверками) вел заместитель командира полка по политчасти майор Казаринов, смекалистый, тонко разбирающийся в людях человек. В полку он со дня основания, принимал участие в его формировании и хорошо знал каждого летчика и штурмана; себе в группу он отобрал лучших.

Пошел второй час полета, и, потому что все было спокойно, бомбардировщики по-прежнему строго выдерживали строй, настроение у Меньшикова приподнималось, он обретал все большую уверенность.

¹ ВНОС – воздушное наблюдение, оповещение связью.

* * *

Небо все больше затягивалось перистыми облаками, но они были высоко, и, судя по их ровному, спокойному тону, надеяться на то, что над целью облака станут плотнее и опустятся ниже, не приходилось.

Кислородная маска сильно врезалась в подбородок и давила на переносицу. «Надо после полета ослабить резинки», – подумал Меньшиков и чуть сдвинул маску на другое место. Стало полегче. А спустя немного почувствовал, что мерзнет левая нога. Тоже незадача. Давно следовало заменить унты – мех внутри вытерся, да все жалел, экономил; правда, сверху уж больно хороши – огненно-рыжие, лохматые, пушистые, с белыми разводами. Сам дважды подшивал дратвой, летчики узнали б – засмеяли... Теперь вот приходится расплачиваться за жадность, фасонистость.

– Командир, траверс Змеиногорского, – доложил штурман.

Траверс Змеиногорского – начало вражеских владений, и в любую секунду следует ожидать истребителей. Меньшиков напомнил:

– Усилить осмотрительность.

– В секторе три чисто, – первым отозвался начальник связи эскадрильи лейтенант Пикалов, летевший в экипаже за стрелка-радиста.

– В первом секторе чисто, – доложил и штурман.

Второй сектор – передняя верхняя полусфера – командира экипажа. Каждый обязан вести постоянное наблюдение за своим сектором и информировать обо всем замеченном. Такое распределение внимания позволяло своевременно обнаруживать противника и принимать необходимые меры безопасности.

– А как там ведомые? – поинтересовался Меньшиков.

– Топают следом. Как на параде равнение держат. – В голосе Пикалова довольство, словно в этом его заслуга. – Особенно наша группа. Крыло в крыло. Гитлер увидит – сердце в пятки уйдет. – Пикалов обрадовался случаю поговорить – два часа молчал, а в условиях напряженной неизвестности время тянется мучительно долго и безмолвие действует угнетающе. Но экипажи подходили уже к береговой черте, где радиолокационные станции проглядывали и прощупывали каждый клочок неба. Надо быть особенно внимательным, потому Меньшиков перебил лейтенанта:

– Потом поговорим, а пока – воздух и еще раз воздух!

В самолете снова воцарилась тишина, если не считать гула моторов, которые тянули однообразную мелодию, навеивая тоску по жене, дочурке. Как они там? Два дня назад Меньшиков дал команду начальнику штаба начать отправку семей из гарнизона. Но дело оказалось далеко не простое. Начальник штаба, побывав на станции, докладывал:

– ... Не то что к пассажирским – к товарнякам не подступиться. Все отдыхающие ринулись к побережью. Едут на крышах, на тормозных площадках, на буферах, на подножках.

– И наших надо как-то отправлять. Дальше будет еще хуже.

Сумел ли он найти какой-либо выход?..

Внизу показалась гряда вытянутых с северо-востока на юго-запад белых пушистых облаков – словно полоса созревшего хлопка. Посев муссона: морской влажный ветер, ударяясь о горы, поднимается ввысь, охлаждается, и водяные пары конденсируются в капельки. Так образуются облака.

– Группа Казаринова отвалила влево, – доложил Пикалов.

– Хорошо.

Гряда облаков уплыла под крылья, и впереди открылась земля. Такая же земля, как и наша: изрезанная речушками, испещренная селениями, озерами, квадратиками полей, садов,

виноградников. Все тихо и спокойно – ни самолетов, ни огня зенитных батарей. Видно, геббельсовская пропаганда и впрямь убедила румын, что не осталось ни одного советского самолета, раз ПВО так беспечна. Что ж, тем хуже для нее. Через несколько минут она узнает, насколько «правдив» ее глашатай.

Меньшиков дважды качнул крыльями – «Всем внимание!» – и «зажал» стрелки приборов педалями и штурвалом. Бомбардировщик словно замер на месте.

– Отлично, командир, – доложил штурман. – Десять влево... Так держать. Можно потихоньку снижаться.

Где-то здесь, на подступах к столице Румынии, должны были располагаться зенитные средства ПВО и истребительная авиация прикрытия, но пока никаких признаков ни батарей, ни самолетов. Либо хорошо замаскированы, либо рассчитывают, что советская авиация сюда никогда не прилетит. Скорее всего, первое, и потому тишина эта, затаенность настораживала. В кабине, несмотря на минусовую температуру, становилось жарко: шея и спина Меньшикова взмокли, капельки пота покатались по лицу из-под шлемофона. Нервы! А штурман все командовал, как над полигоном:

– Еще пять вправо. Отлично. Так держать!

Впереди внизу из пепельно-серой мари выплывали очертания громадного черного города. Бухарест! Столица втянутой в агрессивную войну Румынии.

– Стоп, командир, больше не снижайся. Так держать!

Меньшиков отстегнул кислородную маску, закрутил вентиль. С жадностью вынырнувшего с большой глубины пловца вдохнул полной грудью чистый воздух.

Марь над городом заметно редела, высвобождая островерхие домики, многоэтажные здания, узенькие улочки, площади. По ним уже сновали трамваи, автобусы. Но пешеходов пока еще было мало. Столица только просыпалась.

Меньшиков мельком окинул взглядом уплывающие под крылья бомбардировщика кварталы, сличая их по памяти с фотосхемами, которые изучал перед вылетом, но ничего похожего не нашел и перенес взгляд на приборы – его дело выдерживать постоянную скорость, высоту, курс, от этого зависит точность бомбометания; а штурман найдет что надо.

* * *

Каждое звено имело свою цель. Тройка Меньшикова должна была сбросить бомбы на авиазавод, тройка Цветова – на электростанцию, тройка Колесникова – на королевский дворец.

– Так держать! На боевом!

Меньшикову очень хотелось взглянуть вниз, посмотреть, как выглядит авиазавод, но оторвать взгляд от приборов было нельзя ни на секунду, пока штурман не сбросит бомбы.

Наконец бомбардировщик вздрогнул и облегченно рванулся ввысь, Меньшиков попридержал его.

– Сбросил две ФАБ-250, – доложил штурман.

Теперь Меньшиков имел возможность посмотреть вниз, и он сделал это, но ничего не увидел: место взрыва было закрыто фюзеляжем и крыльями, надо бы накренить машину, но ведомые, возможно, еще не отбомбились и примут сигнал к развороту.

– Кажется, в самое «яблочко». – Голос штурмана был радостный, значит, сбросили удачно.

И тут же на этой фразе была поставлена точка. Нет, многоточие: впереди засверкали разрывы, и на горизонте повисли темно-бурые рваные кляксы. Огненные всполохи учащались, теперь они вспыхивали справа и слева, выше и ниже; вскоре все небо было увешано грязными «букетами». Бомбардировщик трясло, как телегу на ухабах, по обшивке хлестали осколки.

– Разворот.

Меньшиков бросил самолет вниз и, круто положив его на крыло, стал строить новый заход: в бомболюках висело еще шесть соток, надо и их послать в «яблочко».

В развороте он увидел результаты бомбежки экипажей: по всей территории громадного завода вздымались огненные фонтаны. Черный дым клубился над крышами и, растекаясь, полз к центру города. Пожары бушевали в нескольких местах: видно, бомбы угодили в топливные склады, в цеха покраски или в другие цеха с горючими материалами.

На выходе из разворота Меньшиков сквозь разрывы заметил звенья Цветова и Колесникова: несмотря на шквальный огонь, бомбардировщики шли строем – плотным правым пеленгом.

– Командир, высота две триста, хватит снижаться, – подсказал штурман.

Меньшиков толкнул сектора газов от себя. Моторы взревели, и бомбардировщик круто полез вверх.

– Стоп, командир. Так держать!

Штурман направлял бомбардировщик в самую гущу разрывов – уткнулся в прицел и ничего не видит, а перед глазами Меньшикова полыхали огненные вспышки, град осколков стегал по дюралевой обшивке с таким остервенением, что машина то и дело конвульсивно вздрагивала, и удивительно было, как это она еще держится, каким чудом осколки минуют жизненно важные места – моторы, бензо- и маслопроводы, бензобаки. Хотя в бензобаки осколки, наверное, попадали, но трехслойная, с самовулканизирующейся прослойкой резина не дает течь бензину. Попади туда зажигательная пуля – дело будет хуже...

Сладковато-горький запах сгоревшего пороха проникал в кабину, драл нос и горло, и руки инстинктивно крутили штурвал, бросая бомбардировщик то влево, то вправо, в обход разрывов.

– Командир, поддержи, открываю бомболюки, – попросил штурман. – Вот так... Так держать, на боевом!

Да, ему легче: не видит, что творится впереди. Огненные всполохи то приближались к самому носу самолета, то удалялись: зенитчики ставили заградительный заслон, как опытные рыбаки ставят сети на пути движения рыбы. И все-таки бомбардировщикам пока удавалось миновать его, пробиваться к цели.

– Сброс! – будто выдохнул штурман, помолчал немного и заключил: – Теперь уходи, командир. Лучше вправо.

Меньшиков и сам уже принял такое решение: влево они уже делали разворот, и зенитки пристрелялись по тому курсу. Пусть попробуют поймать их на новом!

Освободившись от бомб, бомбардировщик словно обрел новые силы: моторы звенели, стремительно набирая скорость. Триста пятьдесят, четыреста, четыреста пятьдесят... Ветер свистел, выл и метался по кабине, поднимая пыль, стегая по лицу и глазам. И лишь когда грязно-бурые шапки разрывов остались позади, Меньшиков обнаружил, что колпак кабины пробит в двух местах. В эти пробоины и врывался неистовый ветер.

– Давай, штурман, курс к морю. Самый короткий.

– Сто, командир. Ровно сто – и на высоту. Теперь, того и гляди, истребители объявятся.

– Как там остальные?

– Топают, товарищ майор, – сразу же отозвался Пикалов. – Наше звено все на месте, Цветова – тоже. Выползает из зоны огня и третье звено... Дали сегодня мы Антонеску прикурить!

– Командир, справа вижу истребители, – тревожно перебил Пикалова штурман. – Набирают высоту и идут нам наперерез.

– Заходят, чтобы атаковать со стороны солнца. – Меньшиков уменьшил скорость, чтобы подтянулись ведомые.

Истребители проскочили вперед. Длиннотелые, тонкобрюхие. Ме-109-Е, – определил по силуэту майор. Он слышал об этих машинах, показавших свои высокие летно-технические и

боевые качества на заключительном этапе войны в Испании. Скорость – 570 километров в час, вооружение – двадцатимиллиметровая пушка и крупнокалиберный пулемет. ШКАС² трудно будет противостоять им.

Бомбардировщики подтягивались почему-то медленно, особенно последнее звено. Похоже было, что самолет Колесникова подбит, а ведомые не хотели его оставлять. Меньшиков еще убавил обороты. Маневренность машины заметно упала, что в воздушном бою было пагубно. Но и бросить своего товарища в такой обстановке нельзя.

Да, самолет Колесникова подбит: едва заметная полоска дыма выбивалась из-под капота правого мотора. Винт вращался вяло, безжизненно – от напора встречного потока.

По времени «мессершмитты» уже набрали высоту, сделали разворот и идут в атаку. Солнце било прямо в глаза, что создавало фашистским летчикам идеальные условия для прицеливания. А тут еще скорость. Атаку сорвать можно только маневром. Меньшиков увеличил обороты моторам и положил бомбардировщик на крыло, туго закручивая левую спираль. Ведомые повторили его маневр. Машина Колесникова такой крен заложить не могла и стала отставать. Его ведомые зарыскали по курсу, понимая, что на малой скорости и пологом вираже сразу же станут добычей «мессершмиттов». Значит, не поняли замысла командира. А должны понимать по намеку. Пришлось выравнивать машину и дважды качнуть крылом влево – левый круг. Не успел он ввести бомбардировщик в вираж, как справа совсем рядом сверкнула огненная трасса, а спустя секунду, из ослепительных лучей солнца выскочил тонкий и стремительный Ме-109-Е. Он был почти под девяносто градусов к бомбардировщику, пулемет штурмана достать его не мог. Пикалов же почему-то молчал.

– Стрелок!.. – Меньшиков не успел спросить, в чем дело, как почувствовал мелкую дрожь корпуса машины и увидел длинную трассу в сторону истребителя: Пикалов открыл огонь, но промахнулся.

За первым «мессершмиттом» вынырнул второй, третий. Они не стреляли – не сумели прицелиться в развороте – и пошли на второй заход.

Вторая тройка выпустила несколько очередей по бомбардировщикам Цветова и тоже промазала. Звено Колесникова пока не атаковали: то ли решили вначале разделаться с лидером, то ли понимали, что подбитая машина далеко от них не уйдет.

Истребители уходили вверх, вправо красивым боевым разворотом. Меньшиков толкнул сектора газа до упора и бросил бомбардировщик следом за ними. Штурман запоздало пустил вслед очередь, трасса растаяла вдали, не достигнув цели.

– «Мессеры» сзади! – крикнул Пикалов. – Восемь штук!

В тот же миг застучал пулемет, отдаваясь мелкой дрожью на штурвале. Майор продолжал закручивать боевой разворот вправо, теперь уже с намерением подойти к самолету Колесникова и прикрыть его своими пулеметами. Вот он наконец-то показался на встречнопересекающихся курсах, еще немного – и можно будет переключать рули влево. И в этот самый миг пара истребителей, отделившись от восьмерки, ударила по израненному бомбардировщику.

Меньшиков видел, как трассы вонзались в левый мотор. Из него вырвались языки пламени, повалил черный дым. Бомбардировщик сильно накренился и, словно в предсмертном прощании, качнув крылом, сорвался вниз.

– Истребители слева!

Бросок влево. Справа, как молния, сверкнула трасса. Запоздай Меньшиков на долю секунды – она пронзила бы бомбардировщик.

А небо перечеркнул уже второй черный след. И не было ни времени, ни возможности взглянуть, чей упал самолет – наш или фашистский.

² ШКАС – авиационный пулемет 7,62 мм.

Бомбардировщик то и дело содрогался от стрельбы Пикалова и от вражеских снарядов, которые все чаще стегали по крыльям, фюзеляжу. Пока экипажу везло: снаряды миновали жизненно важные центры, но долго так продолжаться не могло.

Звено капитана Цветова отражало атаки более удачно: Меньшиков увидел, как пара «мессершмиттов», пикировавшая на нее, попала в перекрестье трех трасс; ведущий тут же вспыхнул и, не выходя из пикирования, пронесся мимо, к волнам Черного моря. Первый сбитый враг! Меньшиков готов был кричать от радости: значит, можно сбивать вражеские истребители, и горят они не хуже бомбардировщиков.

Второй Ме-109 не рискнул продолжать один атаку и поспешил пристроиться к другой группе.

На какое-то мгновение наступила передышка, и майор, воспользовавшись ею, повел своих ведомых дальше в море, к родной стороне.

– «Мессеры» снизу справа! – крикнул Пикалов.

Очень уж короткая передышка... Нет, фашистов не остановила гибель одного пилота, они стали атаковать еще яростнее, снизу и сверху обрушились на флагмана: трассы распарывали воздух со всех сторон, куда бы ни метнулся бомбардировщик. И одна из них, длинная и тяжелая, гулко хлестнула по правому мотору. Бомбардировщик дернулся, стал крениться вправо. Запах горелого масла наполнял кабину; черная, пока еще жидкая струйка дыма затрепыхалась под капотом.

Рука Меньшикова машинально перекрыла топливный кран правого мотора, чтобы он не вспыхнул. Лопасты винта замедлили вращение и остановились совсем. Давление на левую ногу уменьшилось, Меньшиков осторожно и плавно вывел самолет из крена. Вывел и на какое-то время оцепенел: слева крыло в крыло летел «мессершмитт». Сквозь фонарь кабины хорошо просматривалось упитанное белобрысое лицо. Немец встретился с недоуменным взглядом советского летчика, победоносно улыбнулся, потом скорчил грустную мину и полоснул себя ладонью по горлу – все, мол, крышка тебе. Ему было лет сорок, фюзеляж истребителя испещрен крестиками – счет сбитых самолетов. Ас! Держится в мертвой зоне, ни штурману его не достать из пулемета, ни стрелку-радисту. Не могли прийти на помощь и ведомые – бомбардировщик закрывал истребитель своим корпусом.

Фашист все учел, все рассчитал и настолько увлекся психологическим воздействием, что не заметил, как снизу ему под брюхо поднырнул бомбардировщик. Сверкнула трасса и пропорола его от хвоста до мотора. Меньшиков увидел это лишь тогда, когда истребитель свалился на крыло и, перевернувшись, заштопорил вниз. На хвосте бомбардировщика, сбившего истребитель, мелькнула цифра «12». «Туманов!» Появлением его Меньшиков был удивлен не менее, чем пристроившимся истребителем. Как Туманов так быстро здесь оказался?.. Хотя не Туманов прилетел быстро, а бомбардировщик Меньшикова на одном моторе тянул медленно...

– Командир, снизу сзади два... – Пикалов не уточнил, что именно, и так было ясно – «мессершмитты».

Ниже летел Туманов. По логике вещей, атакуют его. Как ему помочь?

Но Туманов уже сам принял меры: его бомбардировщик, скользя на крыло, стремительно понесся вниз, заставляя преследователей круто ломать линию. Там несколько выше летела еще пара бомбардировщиков. «Цветов и Гордецкий», – догадался Меньшиков. Туманов направился к ним. Самолет его из крутого снижения перешел в энергичный, прямо-таки истребительский боевой разворот. С бомбардировщиков Цветова и Гордецкого ударили пулеметы, стараясь отсечь истребителей.

Снова рядом прочертили трассы – и снова, кажется, пронесло. Пронесло... Только следом летели уже не два ведомых, а один. Может, второй пристроился к звену Цветова или к отставшей паре Колесникова?.. Нет, Цветов летел вдвоем с Гордецким. Пары Колесникова не видно нигде...

Майор переключился на внешнюю связь, нажал на кнопку микрофона:

– Ноль пятый, вызываю на связь... Ноль пятый...

Но эфир безмолвствовал. Никто не ожидал, что так получится. Все были на внутренней связи.

И снова пулеметная дробь, огонь, удушье пороховой гари.

Когда Меньшиков вывел бомбардировщик из снижения, взору его открылась еще одна печальная картина: от пары бомбардировщиков Цветова, зажатой со всех сторон «мессершмиттами», отвалил ведомый и, оставляя траурный шлейф, понесся к водам Черного моря. Вдогонку за ним устремились два истребителя, поливая его огненными струями.

«Туманов!» – обожгла Меньшикова мысль. Он неотрывно смотрел за падающим самолетом в надежде, что члены экипажа покинут его. Бомбардировщик уже не отстреливался – либо стрелок-радист убит, либо кончились патроны. Но когда истребители стали выходить из атаки, блистер³ вдруг ожил, плеснул очередью, да так метко, что первый истребитель густо задымил, круто полез было ввысь и тут же свалился на крыло.

Подбитый бомбардировщик был уже метрах в трехстах от воды, когда от него отделилась одна фигурка, затем другая. Похоже было, что прыгали они из нижних люков. Значит, стрелок-радист и штурман. Вспыхнули два белых купола. Только два...

Белые брызги взметнулись вверх, и бомбардировщик исчез в пучине, оставив лишь черный след в небе.

Парашютисты спускались медленно, и истребители продолжали кружить над ними, стреляя короткими очередями. У Меньшикова сердце разрывалось от жалости, особенно к Туманову. Юный голубоглазый лейтенант, всегда задумчивый и печальный, стоял в его воображении. С первого дня знакомства он вызвал у майора симпатию – стройный, тактичный, умный, а на лице его, добром и открытом, лежал какой-то странный отпечаток душевной тоски, одиночества...

Пикалов бил по «мессершмиттам» короткими очередями – видимо, кончались снаряды, – а истребителей становилось все больше, и они заслонили все остальное. Трассы пуль сверкали слева и справа, снизу и сверху; Меньшиков сам удивлялся, как ему еще удастся маневрировать и уклоняться от атак.

Пулемет Пикалова смолк. Кончились патроны. Вот теперь «мессершмиттам» никто и ничто не помешает разделаться с подбитым бомбардировщиком. Зина может и не узнать, как все случилось. Трудно ей будет одной растить и воспитывать дочурку...

Снизу вперед выскочила пара истребителей. Штурман тоже не стрелял – у него снаряды кончились раньше, – и в этот миг непонятно откуда в сторону истребителей метнулась красная комета. Одна, вторая... Истребители круто отвалили в сторону, и – о чудо! – атаки прекратились. Меньшиков недоумевал: что это за новое оружие и кто вел огонь?

– А ведь драпанули, командир! – весело крикнул Пикалов. – Не иначе, ракеты наши приняли за крупнокалиберные снаряды.

Так вот в чем дело! Меньшиков грустно усмехнулся над собой, а душа у него ушла в пятки.

³ Блистер – остекленная кабина стрелка.

3

...Активно в эти дни действовала советская авиация, помогая наземным войскам.

(Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945)

На посадку бомбардировщики заходили с ходу. Меньшиков шарил взглядом по аэродрому, отыскивая приземлившиеся самолеты, не укрытые еще маскировочными сетями. Один бомбардировщик стоял в конце взлетно-посадочной полосы, около него сгрудились люди, подъехали санитарная и пожарная машины. Второй подруливал к командно-диспетчерскому пункту. Цветов. Там его стоянка. Третий самолет члены экипажа укрывали маскировочными сетями. Остальные, возможно, еще не сели.

Взгляд Меньшикова случайно упал на дорогу, ведущую в гарнизон, и задержался на ней: к аэродрому приближалась толпа женщин – жены летчиков спешили узнать о своих мужьях. Не одна из них умоется сегодня слезами... Может, и Зинушка среди них? Не должна бы, она понятливая – жене командира, даже если что случится, не резон выставлять напоказ свое горе, которое угнетающе действует на других... Хотя не так-то просто подчинить чувства разуму. Разве хватит у нее терпения томиться в неизвестности?

Он посадил самолет, зарулил на место, где его уже поджидали инженер полка, техник, механик и еще около десятка командиров и начальников служб. Отстегнул парашют, вылез на крыло и остановился с широко открытыми глазами. Он слышал, как осколки и снаряды гремели по обшивке, знал, что самолет сильно избит, но даже предположить не мог, что до такой степени: крылья и фюзеляж зияли рваными отверстиями, маленькими – от пуль и громадными – собака проскочит – от зенитных снарядов; половина элерона оторвана, руль поворота болтается на оголенных в стабилизаторе кронштейнах. Как самолет держался в воздухе и как удалось привести его и посадить?!

Инженер полка и техник ходили вокруг искореженной машины и покачивали головами. Меньшиков спрыгнул на землю, спросил у шагнувшего ему навстречу начальника штаба:

– Сколько экипажей вернулось?

– Пока семь. Казаринов – на одном моторе дотянул, бомбардировщик Цветова тоже сильно избит. Ну а вы прямо-таки в рубашке родились...

– Там к аэродрому женщины приближаются, – не дослушал Меньшиков. – Надо задерживать их и если не вернуть, то, во всяком случае, не пустить на аэродром. Объяснить, что может быть налет... – Меньшиков запнулся, врать он не умел и не хотел, но другого выхода не было. – Пойдите к ним сами.

– Есть, есть, Федор Иванович. – Начштаба помялся и все же решился спросить: – Сколько?..

Он не договорил, но Меньшиков и так понял, о чем речь.

– Я видел двух. Один Колесникова, второй, кажется, Туманова. Летчик не выпрыгнул, а штурмана и стрелка-радиста истребители добивали уже под парашютами.

– Н-да... – глубоко вздохнул начштаба. – У нас тут тоже не все благополучно. Потом доложу. – Он собрался уходить. – Да, вашу жену и дочку отправили. Посадили в поезд на Москву.

– Спасибо. – Меньшиков перевел взгляд в конец аэродрома, куда приближался на посадку еще один бомбардировщик. Приземлился он мастерски, точно у «Т», словно возвратился не из боевого полета, где нервы, мышцы, каждая клеточка мозга были накалены до предела, а из обычного учебного полета. Пробежал до середины взлетно-посадочной полосы, замедляя скорость, и Меньшиков увидел на хвосте цифру «12».

– Туманов, – удивленно и обрадованно произнес начальник штаба. – Значит...

– Значит, кто-то другой, – дополнил его командир полка. – Я сам видел, как самолет упал в море. – И все-таки на душе стало полегче. – Готовьте донесение, я пойду на СКП, – отдал он распоряжение штурману и начальнику связи эскадрильи, только что выбравшимся из своих кабин.

Минут через пять подошла еще пара бомбардировщиков, потом через разные промежутки времени появились одиночки. И почти все летчики запрашивали посадку с ходу. Дежурный штурман и хронометражист отмечали в журналах время посадки самолетов.

И вот на аэродроме воцарилась тишина. На СКП никто первый не начинал разговора. Из семнадцати экипажей, улетевших на задание, вернулись только одиннадцать. Надежда была еще на экипаж Запорожца, который успел передать единственное слово: «Барахлит». Видимо, мотор. Бомбардировщик мог приводниться и экипаж спастись на резиновых лодках или сесть где-то на вынужденную.

Меньшиков поглядывал на телефон – может, кто-то откуда-то отзовется, – но аппараты безжизненно молчали.

Просидели в безмолвии еще минут двадцать. Омельченко не выдержал, положил микрофон, распрямился. Меньшиков тоже поднялся и побрел к выходу.

Его обдало горячим сухим воздухом, а в уши ударил негромкий то ли стон, то ли вой, надрывный, разноголосый, заставивший сердце содрогнуться. Голосили женщины, жены не вернувшихся летчиков, штурманов, стрелков-радистов, и у него самого навернулись на глаза слезы. Но он понимал: слезами горю не поможешь и расслабляться ему, командиру полка, не к лицу. Он вытер глаза платком и пошел женщинам навстречу.

Чтобы привлечь к себе внимание, Меньшиков поднял руку и громко крикнул:

– Дорогие женщины! Прошу послушать меня! – Рыдания приутихли, в глазах женщин появилась осмысленность. – Только что мы вернулись из длинного и трудного полета. – Новые вскрики и всхлипы. – Вернулись пока не все. Пока! – повторил Меньшиков и сделал паузу. – Пока – потому, что в нашей профессии бывает всякое, и никто из вас не имеет права терять надежду. И я прошу вас всех, к кому вернулись мужья и к кому еще должны вернуться, отправиться сейчас домой. Понимаю ваше состояние. Поверьте, и мне не легче. Но слезы – плохой помощник. А нам предстоят новые полеты, новые бои с ненавистным врагом, которому мы должны отомстить за боевых товарищей. Так дайте нам отдохнуть, набраться сил.

И его послушались. Толпа стала редеть. Жены, чьи мужья вернулись, забирали своих ставших за эти дни во сто крат любимее и роднее супругов и уводили их домой. А вдовы все стояли, с надеждой поглядывая на аэродром, откуда подходили задержавшиеся у своих израненных машин командиры экипажей. Среди этих женщин – жены капитанов Колесникова, Запорожца. Меньшиков не раз видел этих молодых красивых женщин. Теперь их трудно было узнать: за несколько минут горе измяло, обескровило цветущие лица. Невдалеке от них стояла худенькая загорелая девушка с длинными косами в ситцевом, в горошек платьице, сшитом со вкусом и бережливо – выше колен, с большим вырезом на груди, с короткими рукавчиками. Раньше Меньшиков в гарнизоне ее не видел. Очень уж она переживает: глаза затуманены слезами, смотрят вдаль, на самолетную стоянку, где больше всего скопилось людей, и никого, кажется, не замечает. Девушка не обратила внимания на остановившегося напротив и рассматривавшего ее майора. Руки у нее загрубелые, работающие – видно, из местного виноградарского совхоза...

Внезапно лицо девушки озарилось радостью, и она улыбнулась. Меньшиков посмотрел туда, куда был направлен ее взгляд. С самолетной стоянки шли двое: Туманов и Гордецкий. Так вот за кого она переживала! А собственно, за кого? Сослуживцы частенько подтрунивали над Гордецким (хмурый вид Туманова не располагал к шуткам), спрашивали, как это он умудряется вместе с другом любить одну? Меньшиков такие подначки пропускал мимо ушей – шутка

есть шутка, – но теперь видел: дело вполне серьезное. Девушка влюблена: она вся подалась вперед, готовая броситься летчикам навстречу. Сдерживало ее то ли присутствие людей, то ли еще что-то.

За ней наблюдали многие из тех, кто еще стоял здесь, а она по-прежнему никого не замечала, никого не слышала – все ее внимание, мысли и чувства были там, у Туманова и Гордецкого, а может, у кого-то одного из них. Когда они подошли совсем близко, девушка рванулась к ним и... обвила шею Туманова, трижды поцеловала его, не сдерживая слез. Туманов смутился, неуклюже попытался отстраниться. Девушка, словно опомнившись, повернулась к Гордецкому. Но нетрудно было заметить, что поцелуи ее были не такими искренними и горячими. «Теперь ясно, кого она любит», – подумал Меньшиков. Что ж, вполне резонно: хоть и хорош Гордецкий, а Туманов лучше – и симпатичнее, и сдержаннее, и добрее.

4

*...На Луцком и Львовском направлениях день 27 июня прошел в упорных и напряженных боях...
(От Советского информбюро)*

В столовой царила мрачная, гнетущая обстановка: некоторые столы пустовали, и официантки с опечаленными лицами сновали между ними, боясь встречаться взглядами с вернувшимися из полета летчиками, евшими молча, без всякого аппетита.

Перед Меньшиковым стояли тарелки с мясом и свежими овощами, стакан со сметаной, а он лишь отхлебывал маленькими глотками чай – в горло ничего не лезло, хотя со вчерашнего обеда у него во рту крошки не было. Внутри все закаменело, заглохнуло – и чаем не отогреть – от сознания таких потерь: шесть экипажей из семнадцати. Треть! Лучших экипажей. В первом боевом вылете...

Рядом с ним опустился начальник штаба.

– Вы ешьте, товарищ командир, а я буду докладывать, – сказал он и развернул папку. – Есть вопросы срочные. Нашему полку приказано нанести удар по танковой колонне в районе Томашув, Сокаль. Двадцатью четырьмя экипажами. Вылет – в четырнадцать ноль-ноль. Бомбометание – в восемнадцать. Посадка последних экипажей в сумерках. А завтра снова на Бухарест, Констанцу, Сулину.

Подошла официантка.

– Может, съедите что-нибудь, товарищ майор? – спросила она у начальника штаба.

– Нет. А вот чайку выпью с удовольствием.

– Кто летит? – Меньшиков отрезал кусочек мяса и положил в рот. Все же надо подкрепиться. Кто знает, когда теперь удастся попасть в столовую?

– Вторая эскадрилья. Подвесили тридцать тонн бомб. Маршрут очень уж дальний. Всюду, говорят, рыщут фашистские истребители. Положение на фронте серьезное: немцы вышли к Минску, Львову, Вильно. Бомбили Киев, Одессу, Смоленск. – Официантка принесла чай. Начальник штаба отхлебнул несколько глотков, глубоко вздохнул и с грустью продолжил: – В нашем районе фрицы, похоже, диверсантов выбросили: во многих местах телефонная связь нарушена.

– Усилили охрану?

– Само собой. Часовых и днем не снимаем.

В штабе Меньшикова поджидал оперуполномоченный капитан Петровский с лицом суровым, официально-предупредительным. Холодно протянул майору руку и, не поинтересовавшись боевым вылетом, пошел следом в кабинет.

– Что-нибудь удалось выяснить? – спросил Меньшиков.

– Ты о диверсантах? – Петровский выдвинул из-под стола стул, сел. – Пока ничего, – помолчал. – Дела очень плохи, Федор Иванович. Диверсанты – цветочки, а ягодки... – Капитан щелкнул костяшками пальцев по столу. – Вам известно, что ночью перед боевым вылетом кто-то отлучался с аэродрома?

– Отлучался? Куда?

– А вот это надо еще выяснить. Ты никого не отпускал?

– Разумеется. – Меньшиков соображал, кто же осмелился нарушить его строгий запрет. Вспомнился разговор Туманова с Гордецким. Почему они не спали и куда шли? Не они ли? – Я слышал голоса летчиков Гордецкого и Туманова. По-моему, только они не спали, – высказал предположение Меньшиков. – А направлялись они к землянке.

– Если бы... – вздохнул Петровский. – Они отлучались в городок.

– Зачем? – Меньшиков спохватился, увидев саркастически-насмешливый взгляд Петровского, и пояснил свое недоумение: – Дисциплинированные, хорошие летчики.

– «Дисциплинированные, хорошие»... – повторил с грустью в голосе Петровский. – Очень уж ты доверчив, Федор Иванович. А знаешь, с кем они встречались?

– Слышал от летчиков. И видел ее сегодня.

– Кто она?

Меньшиков пожал плечами.

– Похоже, из сельских. Руки крупные, работающие.

– Вот видишь, как обманчива внешность. Она из интеллигентной семьи, дочь бывшего директора Краснодарского универсама Пименова. Слышал о судебном процессе по делу о спекуляции?

– Нет. Я ведь недавно здесь, на юге... А при чем тут Туманов и Гордецкий?

– Я тоже интересуюсь, при чем. При чем их уход, при чем знакомство с этой девицей, дочь осужденного. И еще есть одно «при чем». – Он выбил костяшками пальцев дробь на столе. – Не для распространения. В первый день войны, когда полк получил боевую задачу, она тут же была передана по радио. Со всеми подробностями: с маршрутом полета, количеством экипажей, эшелонами, временем удара по цели. Вот почему откладывался ваш боевой вылет. Этим утром, как только начала взлетать твоя группа, снова был засечен радиопередатчик Тем же шифром сообщались коррективы налета.

– Не подозреваешь же ты Туманова и Гордецкого в шпионаже?

– А почему бы и нет? Ты уверен в них?

– Я ручаюсь за них.

– Не надо ручаться, Федор Иванович. – Петровский поднялся. – Что ты знаешь о своих подчиненных? Хотя бы о Туманове. Что он не имеет родителей, окончил 10 классов с отличием. А кто его воспитывал, у кого он, будучи беспризорником, набрался таких благородных манер, дисциплинированности, исполнительности? – Петровский колючим, ледяным взглядом пронзил Меньшикова. – Вот то-то. В общем, я уже доложил свои соображения по инстанции и получил «добро».

– В таком случае я тоже вынужден доложить свои соображения моему командованию, – ответил Меньшиков и полез в стол за бумагами, давая понять, что разговор окончен.

5

В напряженных воздушных боях рождались все новые и новые герои...

(Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945)

Вечером на аэродром прилетел на учебно-тренировочном самолете командир корпуса генерал Тулинов. После разговора с оперуполномоченным Меньшиков позвонил ему и доложил о результатах боевого вылета. Рассказывая о воздушных боях, назвал фамилии командиров отличившихся экипажей, среди них Туманова и Гордецкого, а уж потом сообщил об их проступке, стараясь смягчить вину подчиненных героическими действиями в полете.

– Послушаешь вас, так все у вас асы, а потеряли треть экипажей, – недовольно пророкотал генерал. – Ладно, прилечу – сам разберусь.

И вот прилетел. Меньшиков встретил его на аэродроме и на своей изрядно поношенной эмке повез в штаб полка. Генерал сидел молча, насупив свои широкие брови, отчего на лбу прорезались две глубокие морщины. Такое настроение командира корпуса не предвещало ничего хорошего, и Меньшиков не решался начать первый разговор, хотя очень хотелось узнать, какие потери в других полках и каково положение на фронтах.

Машина остановилась. Генерал вышел из кабины, но в штаб идти не торопился. Достал папиросу и сел на лавочку в курилке. Меньшиков остановился рядом, ожидая, когда командир начнет разговор.

Тулинов чиркнул спичкой, прикурил и, глубоко затянувшись, словно вздохнул о чем-то. Спросил, не поднимая головы:

– Почему такие большие потери?

Меньшиков ждал именно этого вопроса, но ответил не сразу. Почему? Он задал этот же вопрос себе, когда узнал, что из его группы не вернулось шесть экипажей. И когда уговаривал женщин разойтись по домам, уверяя, что их мужья еще вернутся, знал: нет, не вернутся, и ломал голову, почему огонь наших скорострельных пулеметов, считавшихся первоклассным оружием, столь малоэффективен. А когда Тулинов выразил недовольство по телефону – «потеряли треть экипажей», – голова и вовсе пошла кругом. Почему? Этот вопрос угнетал его, не давал покоя. Очень хотелось спать, и он не поехал с аэродрома, а зашел в землянку, сооруженную возле КДП, ткнулся на нарах в пахучую, скошенную накануне траву, еще волглую, источавшую все запахи земли, неба и солнца. Задремал он сразу, именно задремал, а не заснул, потому что вопрос о причинах больших потерь продолжал мучить его. Поначалу он искал ответ в своих действиях: где и какую он допустил ошибку? – но, когда вернулась вторая эскадрилья без семи экипажей, он понял: дело не в нем.

– Немцы оказались сильнее, чем мы предполагали, – ответил он генералу.

– Сильнее? – Генерал поднял голову, и его широкие брови круто изогнулись, выражая недоумение. – Или лучше подготовлены?

– Мы подготовлены не хуже, – возразил Меньшиков. – Но скорость «мессершмиттов» пятьсот семьдесят километров, почти вдвое выше наших «илов», и у них двадцатимиллиметровые пушки...

– А скорострельность разве не играет роли?

– Играет. Но немцы открывают огонь с шестисот-пятисот метров. Для ШКАСа такая дальность неэффективна. И нужен второй стрелок: задняя нижняя сфера у нас практически не защищена.

Генерал о чем-то подумал, взглянул на часы:

– Во сколько у вас построение?

– В двадцать ноль-ноль, после ужина.

– Хорошо, вот тогда и поговорим со всеми, послушаем мнение других. А где ваши особо отличившиеся, которыми особый отдел заинтересовался?

– Туманов и Гордецкий?

– Да, они самые.

– Отдыхали. Сейчас должны в столовую прийти.

– Вызовите их сюда.

Пока посыльный бегал за летчиками, Меньшиков докладывал Тулинову о результатах бомбометания, о том, что видел на пути к цели и на обратном маршруте. Они перешли в кабинет комполка, и Тулинов, расстелив на столе карту, отмечал на ней место встречи с истребителями, расположение зенитной артиллерии, кораблей в море. Генерал несколько отошел и, когда Туманов и Гордецкий доложили, что явились по его приказанию, даже протянул им руку и предложил сесть.

– Вдвоем уходили в самоволку? – задал он вопрос без проволочки и без той суровости в голосе, которая слышалась, когда он разговаривал по телефону.

Меньшиков заметил, как замкнулся Туманов, плотно сжал губы, видно, не желая отвечать на вопрос ни при каких обстоятельствах. Гордецкий же, наоборот, оживился, озорно блеснул темно-кариими глазами и тут же выпалил:

– Так точно, товарищ генерал, вдвоем.

– Куда? – Откровенность лейтенанта не смягчила Тулинова, голос его зазвучал жестче, суровее. – Только честно, как на духу.

– Само собой, – не смутился Гордецкий. – К девушке. Она просила нас прийти еще днем, но мы не смогли. Пошли ночью, когда узнали, что вылет откладывается.

– А приказ командира?

– Так мы ж на несколько минут. И девушка просила... по очень важному вопросу посоветоваться...

– Сразу с обоими?

– Мы ее друзья. Вопрос действительно оказался важным: девушка решила уйти на фронт. Правда, об этом она сказала нам сегодня – ночью мы ее не нашли.

– Сколько вы отсутствовали?

– Минут тридцать. Нас в городок полуторка подбросила, что ужин привозила.

– А вы хорошо знаете свою девушку?

Туманов еще ниже опустил голову, Гордецкий и на этот вопрос ответил с прежней уверенностью:

– Так точно, товарищ генерал, хорошо. Она сирота, работает в колхозе. Вот на фронт добровольно решила уйти. Разве это не характеризует ее?

Генерал глянул в глаза Меньшикова, словно спрашивая у него ответа, согласно кивнул:

– Характеризует. А где ее родители?

– Мать умерла не так давно, а с отцом какое-то несчастье случилось. Мы о нем никогда разговор не заводим.

– Значит, на фронт решила... – в задумчивости повторил генерал, и лицо Гордецкого засияло.

– Товарищ генерал! – горячо заговорил лейтенант. – Возьмите ее к нам в полк, хоть воздушным стрелком, хоть мотористом, хоть еще кем-нибудь. Она толковая девушка, десять классов окончила, быстро войдет в курс дела. Ведь нам так нужны сейчас люди...

– Вы ее любите? – Генерал повеселел, лукаво прищурил глаза.

– Очень любим! И ручаемся за нее!

– Ну, коли ручаетесь... Оба любите?

– Так точно, оба.

– А не боитесь поспорить?

– Не боимся, товарищ генерал. Да и не о личном счастье время думать. Так что распоряжитесь, товарищ генерал, чтобы ее зачислили в наш полк.

– Постараюсь помочь вам в этом вопросе. А что касается вашей самовольной отлучки... – Генерал повернулся к Меньшикову. – Накажите их, Федор Иванович, своей властью. Повторится нечто подобное – под трибунал. Ясно?

– Так точно! – подскочили лейтенанты со своих стульев.

* * *

На аэродром Меньшиков приехал с четко сложившимся планом разбора боевого вылета и конкретными рекомендациями на предстоящие полеты. В землянке, где он намеревался собрать летный состав, было сыро и сумрачно, на Меньшикова дохнуло каким-то могильным запахом – землей со свежими стругаными досками (землянку вырыли два дня назад), и он поспешил наверх, отгоняя вернувшиеся было мысли о погибших. Нет, разбор следует проводить под открытым небом.

Вдали показалась эмка. Генерал Тулинов остался после ужина в штабе, чтобы созвониться с командующим Южным фронтом, уточнить задачи. Что нового он привезет? Меньшиков направился к КДП, куда должна подъехать машина с генералом.

Тулинов вылезал из машины долго и нехотя, лицо его снова было хмурым и озабоченным; значит, вести неважные. Глянул на склонявшееся к горизонту солнце, потом на землянку и спросил:

– Может, на свежем воздухе поговорим? В землянке, пожалуй, тесновато.

– Да, здесь будет лучше.

– Только выставьте часовых. И на ночь выделяйте оцепление аэродрома. В общем, бдительность и еще раз бдительность.

Минут через десять на грузовых машинах подъехал летный состав. К этому времени на месте, где буйно цвели маки, был установлен стол, около него три стула, а метрах в двухстах с разных сторон маячили часовые – боевое охранение.

Меньшиков построил летный состав, отдал генералу рапорт и после того, как строй громогласно ответил на приветствие комкора, дал команду левому и правому крылу изломать линию, образовать букву «П».

– А теперь всем сесть.

В строю послышались шутки, смех. Генерал подошел к столу, снял свою фуражку с большим квадратным козырьком – «посадочной площадкой», пригладил рукой реденькие светлые волосы. Шутки и смех прекратились. Генерал окинул всех взглядом и заговорил негромко, но властно, внушительно:

– Товарищи! Только что я разговаривал по телефону с командующим фронтом. Он поздравляет вас всех с боевым крещением, с первым трудным, но успешным боевым вылетом. По предварительным данным – дешифрованным снимкам и сообщениям иностранных агентств, в Бухаресте разрушен авиационный завод, а полутонная бомба угодила в королевский дворец. Кто из вас брал полутонную бомбу? – генерал повел взглядом по присутствующим. Встал капитан Цветов.

– Мой экипаж, товарищ генерал.

Ответил скромно, без импозантности, как и подобает командиру, и не «я», как ответил бы на его месте другой, а «мой экипаж». В донесении Цветов словом не обмолвился о своих заслугах, записал лаконично: «...Задание поразить королевский дворец пятисоткилограммовой бомбой экипаж выполнил». И теперь он стоял спокойный, даже, казалось, равнодушный,

отчего его худощавое лицо с выгоревшими бровями и вовсе выглядело заурядным, похожим скорее на лицо деревенского простецкого мужичка, а не аса, командира эскадрильи.

Генерал удовлетворенно кивнул: «Садитесь» – и повернулся к командиру полка:

– Товарищ Меньшиков, представьте экипаж к награде. Командира – к ордену Красного Знамени, остальных к ордену Красной Звезды.

– Есть!

– Большой урон нанесен врагу и в портах Сулина и Констанца. Горят его нефтезаводы, склады, пакгаузы. Вторая эскадрилья бомбила в районе Сокаль, Томашув танковую колонну фашистов. Успешно действовали и другие полки нашего корпуса. Но, несмотря на это, враг продолжает наступать. Я не буду останавливаться на положении на фронте, вы сами летали и видели: положение очень тяжелое. Фашисты пока имеют большое преимущество в живой силе и технике. Чтобы лишить их этого преимущества, надо сильнее их бить, уничтожать самолеты, танки, пехоту. Выявлять места их сосредоточения и бомбить. Не давать им покоя ни днем ни ночью. Сегодня вы нанесли ощутимый удар по врагу и в воздушном бою показали пример мастерства и мужества, сбили семь фашистских стервятников, несмотря на то что летали без сопровождения истребителей. Для бомбардировщиков это неплохо. И все-таки наша радость омрачена потерями: с боевого задания не вернулись тринадцать экипажей. Мы точно пока не знаем, сколько сбито, сколько село на вынужденную, не дотянув до своего аэродрома, – такие есть, – но все равно, товарищи, потери очень большие. И я собрал вас, чтобы откровенно поговорить, в чем причина наших неудач, что нужно сделать, чтобы не нести потерь, эффективнее бить заклятого врага. Поэтому прошу прямо и открыто высказать свое мнение, не стесняться критиковать всех и вся, невзирая на ранги, если они в чем-то повинны. – Генерал снова обвел взглядом присутствовавших. – Ну, кто самый смелый?

Меньшиков следил за генералом и видел, как клонились головы летчиков и штурманов, как опускали они глаза долу. «Да что же это они, – недоумевал майор, – в бою не дрейфили, а тут сробели?.. Нет, не сробели», – понял он, встретившись со взглядом своего штурмана и прочитав в нем сочувствие. Призыв генерала «критиковать всех и вся, невзирая на ранги», подчиненные восприняли как обвинение в потерях своих командиров. Потому они и прячут глаза. В груди у Меньшикова приятно защемило: значит, любят его подчиненные, коль даже намек на его ошибку вызвал у них протест.

– Так что же вы? – спросил генерал. – Или враг настолько силен, что нет никаких способов бороться с ним?

– Разрешите? – поднялся старший лейтенант Ситный, командир звена из первой эскадрильи, невысокий, плотный, с курносым задиристым носом. Ни один спор не обходился без него. Вот и теперь первым выступил, чтобы возразить генералу, подискутировать с ним.

– Мы не думаем, товарищ генерал, что враг настолько силен, что нет никаких способов с ним бороться, – сказал он и откашлялся, готовясь сказать главное. – Но не надо искать причину наших больших потерь в командирах. Командиры наши тут ни при чем, учили они нас хорошо, и, если бы вы видели, как мы держали строй, как отражали атаки «мессеров», вы убедились бы в нашей высокой выучке. Почему же в таком случае большие потери? Причин много. Первая – «мессершмитты» превосходят нас в скорости и вооружении, в маневренности. Когда первые их атаки сзади с близких дистанций не принесли им успеха, они изменили тактику, стали заходить снизу, где у нас нет стрелков, и открывать огонь не с двухсот метров, как делали раньше, а с пятисот, шестисот, из пушек. Для нашего ШКАСа такая дальность, можно сказать, недостижима. Вторая причина – отсутствие истребителей прикрытия. Хорошо еще, что «мессершмитты» атаковали нас после бомбометания. Будь мы с грузом, потери были бы гораздо большие. У меня все, товарищ генерал.

Тулинов, внимательно слушавший летчика и записывавший его высказывания в блокнот, вопреки ожиданиям Меньшикова, не стал ни полемизировать со старшим лейтенантом,

ни комментировать его выступление, а разрешил ему сесть и заговорил не властно и категорично, как зачастую делал в силу своего волевого характера и служебного положения, а снисходительно, благосклонно:

– Вы неправильно меня поняли, товарищ старший лейтенант. Я вовсе не собираюсь искать виновных. Как я уже говорил, задание все выполнили успешно, и ваши командиры и все вы заслуживаете высоких наград. Разговор я завел лишь для того, чтобы выяснить наши недоработки, вскрыть слабые места, чтобы эффективнее бить врага. Вы правильно доложили об основных причинах наших потерь, и выводы мы, безусловно, сделаем. Об истребителях прикрытия я доложу главкому. Что же касается задней нижней полусферы бомбардировщика, разрешаю вам брать второго воздушного стрелка из механиков по вооружению. Какие есть еще суждения и предложения?

Руку поднял начальник связи эскадрильи лейтенант Пикалов.

Генерал одобрительно кивнул, и Пикалов встал, одернул гимнастерку.

– Лейтенант Пикалов, – представился он. – По поводу усиления огня наших самолетов у меня, товарищ генерал, есть еще вот такое предложение: уплотнить строй полета и летать на боевые задания не звеньями, а по меньшей мере эскадрильями. Огонь десяти пулеметов или трех – разница большая.

– А маневрировать как? – выкрикнул кто-то из летчиков.

Меньшиков повернулся на голос и увидел поднимавшегося старшего лейтенанта Маркина, маленького, худощавого пилота, мечтавшего перейти в истребители.

– В плотном строю фашистам и целиться не надо, – пояснил старший лейтенант свою мысль, – бей с тысячи метров, все равно в кого-нибудь попадешь.

– Ишь, как просто! Против десяти-то стволов?

– Пикалов дело говорит. Фашисты охотнее на одиночек набрасываются.

– Маркин прав: нельзя плотным строем... – Меньшиков почувствовал, как загорелось лицо. Не полк боевой – колхоз, галдят, как мужики на собрании. Выдержка генерала в конце концов лопнет, и тогда несдобровать командиру полка. Но Тулинов лишь поднял руку.

– Тихо, товарищи, не все сразу. У вас все? – повернулся он к Пикалову, затем к Маркину. – Садитесь. Итак, кто против плотного строя? – Но летчики притихли, и желающих продолжить спор не находилось. – Что же это вы? Или убедились, что Пикалов прав? Но, товарищи, будем мы летать и плотным строем, и разомкнутым, и эскадрильями, и звеньями. Как подскажет обстановка. Есть еще предложения?

К удивлению Меньшикова, руку поднял молчун, лейтенант Туманов. После беседы с генералом он, похоже, переродился – хмурость с лица исчезла, глаза горят задором, решительностью; даже заговорил!

– Я поддерживаю мнение Ситного, Пикалова и Маркина, – сказал Туманов. – Нижние кормовые стрелки очень нужны, уплотнение и укрупнение строя тоже. Но и это проблему не решает. Чтобы избежать крупных потерь, на мой взгляд, надо полностью перейти на ночные полеты. И еще один фактор. Мы – летчики дальнебомбардировочной авиации и, как учили нас, предназначены для действий по глубоким тылам противника. А какая же необходимость заставляет нас летать из Крыма под Львов, за тысячу с лишним километров вдоль линии фронта? Вернее, необходимость-то ясная. А целесообразность? Мы расходует горючее, моторесурсы, силы, а, как известно, чем меньше сил в бою, тем меньше шансов на победу.

Впервые Туманов говорил так длинно и так убедительно, и впервые Меньшиков вник в суть сказанного и позавидовал ясности ума своего подчиненного, его глубоким тактическим познаниям и смелости суждений. А он, командир полка, до этого не додумался. А если бы и додумался, то вряд ли решился бы высказать эти мысли вслух.

– Разумные предложения, – одобрительно кивнул генерал и разрешил Туманову сесть. Меньшиков увидел за спиной лейтенанта капитана Петровского. Похоже, оперуполномочен-

ный решил тенью следовать за летчиком и, похоже, не очень-то доволен снисходительностью генерала к лейтенанту. Чувство жалости снова шевельнулось в душе майора: Туманов радуется, что его поняли, поддержали, не догадываясь, какая над ним нависла угроза. Малейшая оплошность в чем-то – и ни командир полка, ни командир корпуса во второй раз отстоять его не смогут.

Разговор об увеличении эффективности действия бомбардировщиков и уменьшении их потерь в боях закончился, когда совсем стемнело. Над Севастополем снова занялось зарево. Тулинов направился к своему самолету. Меньшиков последовал за ним, чтобы проводить генерала.

– Да, – думая о чем-то своем, вздохнул генерал. – Много, очень много теряем. И они правы: надо перестраиваться. – Замедлил шаг, повернул голову к Меньшикову: – Засучивай рукава, Федор Иванович, и все силы на ночную подготовку. А пока... пока придется летать и днем и по дальним маршрутам.

6

...На морских границах первыми встретили и организованно отразили удар вражеской авиации моряки-черноморцы в районе Севастополя...

(Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945)

У капитана Петровского имелись веские основания не доверять лейтенанту Туманову: слишком много «тумана» в его биографии. В его личном деле черным по белому было написано: рождения 1919 года, с пяти лет воспитывался в детском доме, родителей и родственников не помнит. Хотя в пять лет память самая острая... В 1927 году его забрали из детского дома бездетные старики Терещенко в станицу Холмскую, где он жил и учился до 1934 года. Летом 1934 года, после окончания семи классов, сбежал от опекунов. С 1935-го по 1938-й учился в 1-й Краснодарской средней школе, окончил ее с отличием. У кого жил и где пропадал целый год – с 1934-го по 1935-й – полный туман. В 1939 году (еще один год – белое пятно) поступил в Тамбовскую школу пилотов и в 1940 году успешно окончил ее. В январе 1941-го прибыл в полк и в июне уже приступил к овладению ночной подготовкой. Не вундеркинд ли? Правда, то, что он летает превосходно, Петровский сам видел: сажает самолет точно у посадочного «Т», и колеса будто прилипают к земле; даже опытные летчики восхищаются его ювелирным мастерством. Школьные инструкторы и полковые командиры характеризуют Туманова только положительно: исключительно скромен, дисциплинирован, исполнительен. Если не брать во внимание уход перед боевым вылетом с аэродрома, так оно и есть. Но откуда взялись эти скромность, дисциплинированность, исполнительность? Из ответа секретаря Холмского стансовета на запрос Петровского о Туманове тот сообщил, что Александр Туманов в школе отличался недисциплинированностью, учился плохо, с трудом и натяжками закончил седьмой класс, занимался жульничеством, карманным воровством, воспитанию опекунов и учителей не поддавался, несколько раз сбежал из дому, а в 1934 году сбежал окончательно, и где находится – неизвестно. Выходит, за год без опекунов и школы под влиянием таких же шалопаев-беспризорников он из хулигана и вора стал пай-мальчиком... Очень, очень сомнительно. Сам Туманов объясняет свое перерождение тоже очень туманно: дескать, жизнь воспитала и директор 1-й Краснодарской средней школы, у которого он якобы проживал первое время после бродяжничества.

В школьные годы Петровскому доводилось встречаться с беспризорниками – их тогда в Одессе было пруд пруди, – и он знал, что это за люди и как трудно поддаются они воспитанию. Один из них, Коля Трык, не раз попадал в милицию, не раз был бит, когда ловили его с поличным, однако не бросал своего карманного занятия. Год назад Петровский случайно встретил Трыка в курьерском поезде Москва – Одесса, капитан ехал в отпуск к родителям. Трык был без правой руки, одет прилично и держался солидно – из худощавого чумазого паренька он стал степенным полноватым мужчиной. Он тоже узнал Петровского – не раз дрались команда на команду (школьники и беспризорники). Разговорились, и Трык охотно рассказал о своем житье-бытье: воевал с белофиннами, теперь работает в Одесском пароходстве заготовителем, возвращается из командировки. Он даже пригласил Петровского «пропустить по сто граммов коньячку за встречу», но Петровский отказался. А утром соседи по купе обнаружили, что попутчик исчез с их кошельками и дорогими вещами...

Нет, не верил Петровский в перевоспитание Туманова и во многое другое из его биографии. Надо было все перепроверить, уточнить. А тут война...

Столько новых забот свалилось на шею. Еще эта радиопередача... Перед самой войной и в первые ее дни немцы во многие прифронтовые районы и в места базирования наших войск

забросили агентов и диверсантов. Появились они и здесь: третью ночь подряд подают сигналы ракетами своим самолетам, когда те пролетают над аэродромом. А вчера обстреляли наших бомбардировщиков на взлете. Посланная на поимки группа вернулась ни с чем, обнаружила лишь невдалеке от аэродрома следы от трехколесного мотоцикла да стреляные гильзы.

Вполне вероятно, что и радиопередачу вели те же мотоциклисты. Но кто их снабдил такой точной, исчерпывающей информацией?..

В радиограмме время взлета соответствовало последнему указанию Меньшикова – 2 часа ночи. Значит, данные агенту поступили после того, как Меньшиков дал команду отдыхать до часу.

С аэродрома ночью уходили только двое (Петровский опросил всех дежурных и дневальных, и, кроме Туманова и Гордецкого, никто назван не был). Значит, и секретные данные могли передать они, а вернее, он...

Как Петровский ни прикидывал, Гордецкий менее всего попадал под подозрение: из хорошей рабочей семьи, отец – член партии, мать – учительница. И сам лейтенант – душа нараспашку: доверчив, простодушен, не замечает даже того, что его избранница предпочтение отдает другому. А Туманов себе на уме, скрытен, насторожен, лишнего слова из него не вытянешь. Нарушить строгий приказ ради того, чтобы увидеть девушку... Совсем на него не похоже. Даже если и любит ее. Но, судя по их встрече на аэродроме, вряд ли... Она – да, кинулась ему на шею, не стесняясь посторонних, стала целовать, как законная жена. А он... даже растерялся.

Надо, очень надо было бы отстранить их от полетов. Если это Туманов, он не сидел бы сложа руки. А в небе за ним не особенно присмотришь. Не вернется в одно время на аэродром – вот и ломай тогда голову, сбили его или сам нашел себе где-то пристанище. И опять же Петровский окажется виноватым: «Мы тебе говорили... Мы тебя предупреждали...»

Капитан взглянул на часы – без пяти одиннадцать. Пора на аэродром. Закрыв папку, спрятал все в сейф. Придется начинать с мотоциклистов...

7

...По уточненным данным, в боях 27 июня на этом (минском) направлении уничтожено до 300 танков 39-го танкового корпуса противника...

(От Советского информбюро)

Проводив Тулинова, Меньшиков вместе с инженером полка и его заместителем по вооружению отправился в землянку, чтобы сформировать новые экипажи – заменить выбывших по ранению, подобрать наиболее подготовленных и смелых специалистов по вооружению в воздушные стрелки.

С подбором воздушных стрелков дело, к счастью, оказалось проще, чем предполагал командир полка: инженер по вооружению принес кипу рапортов от механиков, пожелавших из наземных специалистов стать воздушными бойцами.

Меньшиков пересчитал рапорты и ахнул:

– А кто же будет готовить вооружение, набивать ленты патронами, снаряжать бомбы?

– Пока возьмем самую малость, сколько требуется на боевой вылет, – ответил инженер полка майор Баричев. – Набивать ленты патронами попросим командирских жен, которые еще не уехали.

– Хорошо, – согласился Меньшиков. Подписал десять рапортов и, отпустив инженеров, присоединился к штурману и начальнику разведки, колдовавшим над выбором маршрута полета.

Лишь далеко за полночь ему удалось освободиться от служебных дел, и он тут же, в землянке, на устланных свежескошенной пахучей травой нарах лег отдыхать. Но сон долго не шел, в памяти, хаотично перемежаясь, всплывали дневные перипетии: разговор с генералом Тулиновым, с капитаном Петровским, высказывания летчиков о мерах по уменьшению потерь. Иногда в эту служебную сумятицу вплетались мысли о жене, дочурке: где они, что с ними?

...Он возвращался из отпуска в Подмоскowie, где служил, отдохнувший, загорелый, полный сил и радужных надежд: впереди предстояли интересные полеты на новом тяжелом бомбардировщике по дальним маршрутам, бомбометания на полигонах, воздушные стрельбы. Он истосковался по полетам, несмотря на то что весь отпуск погода стояла отменная, море не штормило и он целыми днями пропадал на пляже, купался, читал романы, сражался с товарищами в шахматы. И только в первые дни мысли о полетах не тревожили его, не напоминали о себе. Но не прошло и недели, как ему снова захотелось в небо, и частенько, лежа на пляже, он ругал себя за бесцельную трату времени, своих товарищей, которые и разговаривать не желали о службе, «дабы не портить настроения». А ему хотелось снова в часть, к самолетам. Он понимал, что не прав: давно ли голова его, чугуно-тяжелая от всевозможных наук, валилась с плеч, и он засыпал, едва добравшись до постели? Недельного срока для восстановления сил конечно же недостаточно. И все равно скучал по полетам.

В поезде он тоже проснулся рано. Соседи еще похрапывали, читать было темновато, и он, поворочавшись с боку на бок, вышел из купе. В коридоре стояла лишь одна девушка, смотрела в окно и вытирала кулаком заплаканные глаза. Меньшиков подошел к ней и как можно ласковее спросил:

– Кто в такую рань посмел обидеть юную красавицу? – Он не придавал особого значения слезам – девичьи слезы, что утренняя роса, появляются без причины и пропадают без последствий. Но он ошибся: девушка вдруг громко всхлинула, и крупные слезы покатались еще сильнее.

Нет, это был не девичий каприз, не мимолетная обида, а большое горе. Меньшикову было жаль девушку, хотелось помочь ей, но он не знал, как и чем облегчить ее страдания.

Из служебного купе вышла проводница и стала успокаивать девушку:

– Ну, хватит, хватит, милая. Вот приедем в Москву – дашь родителям телеграмму, они что-нибудь придумают.

– А что случилось? – спросил Меньшиков. Проводница вздохнула:

– Да уж случилось... Приличная дамочка, одета прилично, разве подумаешь... А поди ж ты... Сошла в Рязани с единственным чемоданчиком, родственников, сказала, надумала навещать. А чемоданчик вот ее, оказывается... Разве подумаешь... А там и вещички, и документы в институт поступать. Вот как тут теперь быть?..

Девушка снова громко всхлипнула.

– Только-то и всего?! – весело воскликнул Меньшиков, стараясь подбодрить девушку. – Я думал, жених бросил. А документы – эка важность, новые выпишут.

– Когда? Через пять дней экзамены, – сквозь всхлипывания произнесла девушка.

– Экзамены можно сдавать и без документов.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Кто поверит... И у меня ничего не осталось...

Теперь Меньшиков рассмотрел ее. Она не была красавицей, но личико довольно миленькое: кругленькое, румянощекое, как яблочко; губы пухленькие, сочные. Легкое шелковое платье туго облегалo высокую грудь, покатыe плечи с полноватыми руками. Меньшикову больше нравились девушки худенькие, стройные – сам он был всегда подтянут, следил за своим весом и даже в отпуске не позволял излишеств ни в еде, ни в сне – главных виновниках полноты, – но в этой попутчице что-то было необычное, по-детски милое, невинное, вызывающее симпатию и доверие.

– Я засвидетельствую вашу личность, – продолжал он все тем же шутливым тоном, и девушка перестала всхлипывать. – Кстати, как вас зовут?

– Зина.

Так состоялось их знакомство...

В узенькое, под накатом оконце пробилась густая синева. Светало. Надо вздремнуть хоть часок. Он закрыл глаза, расслабился, стараясь ни о чем не думать, и сразу его обволокло легкой туманной дымкой. Откуда-то появилась Зина, ведя за руку дочурку. Они шли ему навстречу, радостные, улыбающиеся. Внезапно в небе появились «мессершмитты» и закружили над ними, стреляя из пулеметов. Зина и дочь бросились к нему. Непонятно почему, Зина стала звать его не по имени, а по званию:

– Товарищ майор! Товарищ майор!

Меньшиков открыл глаза. Его тормозил водитель:

– Пора, товарищ майор, на аэродром...

У КП Меньшикова поджидал инженер полка майор Баричев, пропахший бензином и маслом, в замусоленном комбинезоне, неумытый, усталый. Но доложил бодро: шесть бомбардировщиков уже подготовлены к полетам, еще четыре будут готовы к двенадцати часам. С остальными дело обстоит хуже – требуется замена деталей, более серьезный ремонт. Надеется, к вечеру машины четыре отремонтируют. И извиняюще попросил:

– Разрешите, товарищ командир, на шестнадцать человек летного состава оставить расхoд на завтрак на десять часов. До пяти утра они помогали техникам. – И, заметив на лице майора неудовольствие, пояснил: – Это их личная инициатива, привел ваш воздушный стрелок старшина Королев. Сказал, что успеют отдохнуть. В общем, убедил.

– Только воздушные стрелки помогали? – Меньшиков думал уже о Туманове: если окажется, что ночью он был на аэродроме, Петровского не убедят никакие доводы.

– И стрелки-радиcты.

У Меньшикова отлегло от сердца.
– Разрешаю.

8

*28/VI 1941 г. Боевой вылет с бомбометанием по танковой колонне
в районе Броды...
(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)*

Бомбардировщики, как и в первом боевом вылете, шли плотным правым пеленгом, звено за звеном. Группа на этот раз была небольшая, всего девять машин, и вел ее заместитель командира полка по политчасти майор Казаринов. Правда, теперь в каждом самолете было по два стрелка. В нижний люк удалось установить крупнокалиберный пулемет 12,7 мм. И погода благоприятствовала: кругом расстилались мощные кучевые облака, высокие белоснежные горы, и бомбардировщики летели между ними, как по ущелью, часто меняя курс, чтобы не влезть в зону невидимости и болтанки. В «окна» просматривались зеленые квадраты полей, узкие речушки и озера, белые украинские хатки под соломенными крышами с неизменными палисадниками, сараюшками, огородами. И эти хатенки, палисаднички, сараюшки казались такими уютными, милыми, умиротворяющими, и не верилось, что где-то совсем недалеко полыхает огонь войны.

Александр Туманов летел во втором звене лейтенанта Дмитрия Захарова замыкающим. Ведущий хорошо выдерживал скорость, курс и высоту, и ведомым не составляло большого труда держать строй: Александр отрегулировал управление триммерами с такой точностью, что бомбардировщик не требовал усилий, и летчик лишь держал руки на штурвале.

Когда Гордецкий рассказал Александру о разговоре Меньшикова с Тулиновым (а ему доверительно шепнул дежурный по аэродрому лейтенант Тенадзе), Александра охватили гнев и отчаяние. Хотел пойти к Петровскому и все выложить о себе: пусть делают с ним что хотят, судят его или милуют, но пусть знают – совесть его перед советской властью чиста.

Гордецкий, заметив на лице друга злую решимость и поняв, что он может в горячке сделать глупостей, успокаивающе ткнул его в бок:

– Не кипятись и не переживай преждевременно. Петровский – не пуп земли, Меньшиков не особенно-то послушался его. Так что полетаем еще...

И вот они летят. Меньшиков – настоящий командир и добрейшей души человек. Другой на его месте вряд ли стал бы конфликтовать с оперуполномоченным, тем более что Александр и Гордецкий действительно были виноваты и заслуживали наказания. Надо во что бы то ни стало оправдать доверие командира. Он, Туманов, имеет право на все – на подвиг, на гибель, на возвращение тяжело раненным, не имеет права лишь попасть в плен... Нет, и погибнуть он не имеет права.

Облака стали редеть, до фронта оставалось не так уж далеко, и опасность встречи с фашистскими истребителями с каждой минутой возрастала. Командир группы качнулся с крыла на крыло – «Сомкнуть строй!». Александр продублировал команду по переговорному устройству:

– Усилить осмотрительность, подходим к линии фронта.

– Смотрим в оба, командир, – бодро отозвался стрелок-радист сержант Рыбин, уже обстрелянный над Румынией и сбивший там «мессершмитт».

Стрелком с ним летел его друг механик по вооружению младший сержант Иван Гайда, тихий и застенчивый украинский паренек, по-крестьянски неторопливый и рассудительный. Когда объявили о записи желающих в стрелки, Гайда с полчаса ходил вокруг самолета, кусая в задумчивости губы. Решиться помог ему Рыбин.

– Не бойся, ты ж со мной будешь, а меня «мессеры» как огня боятся.

И Гайда написал рапорт. Но как он поведет себя в бою? Бодрый голос Рыбина несколько успокоил Александра: рядом с ним Гайде стыдно будет дрейфить.

Небо почти совсем очистилось от облаков, лишь вверху, на большой высоте, тонкой паутиной тянулась с запада на восток перистая зыбь да внизу, тысячи на две, встречалась еще отдельная размытая кучевка. В таких облаках не спрячешься.

Еще минут через пять Александр заметил на опушке леса танки. Они прятались под деревьями, вокруг суетились бойцы, укрывая машины ветвями, маскировочными сетками. Танков было немало, не менее пятидесяти, и Александр порадовался: есть, есть у нас танки, и здесь фашисты не пройдут торжественным маршем.

Но вскоре радость начала гаснуть: внизу тут и там пылали дома, вспыхивали разрывы снарядов. Фронт. Земля исполосована ломаными линиями траншей, видны пушки, разбитые машины, танки...

По курсу полета бомбардировщиков чуть выше повисли белые облачка – ударила зенитная артиллерия. Майор Казаринов начал противозенитный маневр – перевел бомбардировщик в набор высоты с отворотом вправо. Ведомые последовали за ним. Огонь зениток переместился вправо, а группа уже со снижением уходила влево. И все-таки разрывы снарядов приближались, полыхали то слева, то справа, то перед самым носом бомбардировщиков.

«А вот в такой ситуации плотный строй ни к чему», – подумал Александр и машинально крутнул штурвал вправо, пытаясь удержать вздыбившуюся вдруг машину, брошенную взрывной волной к левому ведомому. Снаряд разорвался совсем близко, под правым крылом, и, несомненно, натворил бед. Моторы, правда, никаких признаков неисправности пока не подавали, работали ровно и одногласно, но Александра это не успокоило. Он глянул на приборную доску и увидел, как дергается, будто в предсмертной агонии, стрелка манометра масла правого мотора. Дернулась несколько раз и затихла на нуле. Видимо, перебита маслосистема. А без масла мотор долго не протянет.

Так оно и случилось: температура головок цилиндров быстро стала расти. Туманов убрал газ, выключил мотор, а питание левого мотора переключил на правую бензосистему, чтобы скорее опустошить бензобаки из правого крыла и облегчить его. Передал по радио ведущему:

– Альбатрос, я – Сорок пятый, поврежден правый мотор, иду на одном.

Казаринов сразу же отозвался:

– Сорок пятый, сбрось бомбы по переднему краю противника и возвращайся.

Туманов и сам подумал было об этом, но бросать «сотки» на окопы, по живой силе, мало толку. А до цели лету считанные минуты.

– Так разрешите по цели отработать? – уточнил свою просьбу Александр.

Казаринов с ответом не торопился, наверное, спрашивал у штурмана, сколько еще лететь до цели, а возможно, раздумывал. Наконец переспросил:

– На одном идешь?

– На одном. Но тянет хорошо.

– Разрешаю. Только не отставай. Сними нагрузку триммером.

– Командир, внизу колонна автомашин, может, жахнем? – предложил штурман.

Туманов посмотрел вниз – грузовики, штук десять, большинство крытые. Пылят от линии фронта.

– Наверное, раненых увозят, – высказал Александр предположение.

– А наших они не жалеют...

Нога уже ныла от напряжения, стала подрагивать. Александр перенес правую – вправо жать не придется – и нажал ею на педаль, давая отдохнуть левой.

Впереди показалось небольшое село с вытянутыми вдоль шоссе домиками. Именно по этому шоссе, как доложила разведка, движется танковая колонна Клейста. Где она сейчас, не свернула ли, не застряла ли где-нибудь?

– Приготовиться к атаке! – передал ведущий.

«Где, кого он увидел?» – недоумевал Александр, всматриваясь в пустынную ленту шоссе. Повел взглядом по селу и почти сразу наткнулся на темно-зеленые, с хоботами орудий коробки, приткнувшиеся к домам, в тенечек, и под кроны деревьев. А чуть подалее, за селом, на опушке леса их стояло не менее сотни. Фашисты, похоже, и предположить не могли, что их атакуют здесь советские бомбардировщики, по сведениям Геббельса, уничтоженные в первый день войны.

Танкисты, даже услышав гул самолетов, не проявили беспокойства, продолжали беспечно заправлять танки топливом, а некоторые заправлялись сами, расположившись в холодке под деревьями. Но слишком низко летели самолеты, чтобы не увидеть на их крыльях красные звезды.

Зенитки открыли огонь. Звено Казаринова успело проскочить заградительную стенку, вторая же тройка оказалась в самом центре разрывов, и бомбардировщик Захарова задымил.

Туманов был ниже ведущего метров на двести и хорошо видел, как командир звена пытался сбить скольжением пламя, но открытые бомболюки сильно тормозили и создавали завихрение, способствующее раздуванию пожара: шлейф дыма увеличивался и густел.

– На боевом!

– Хорошо, командир. Так и держи вдоль опушки. Бросаю все, серией.

– Давай! – тоже крикнул Александр, стараясь заглушить грохот разрывов. Бомбардировщик будто встрепенулся, освободившись от тысячекилограммового груза, и мотор, казалось, запел звонче, голосистее.

– Порядок, командир, – констатировал штурман. – В самую гущу врзали. Долго фрицы нас помнить будут. – Вдруг осекся и совсем другим голосом попросил: – Уходи, Саша. Быстрее!

Все произошло так неожиданно и стремительно, что, казалось, парализовало даже фашистов: стрельба зениток на какой-то миг смолкла, и все вокруг стихло, если не считать гула уходящих от трагического места самолетов да догорающих там танков.

Но это только казалось...

– Сзади сверху «мессершмитты»! – крикнул стрелок-радист.

Так вот почему прекратили огонь зенитки! Теперь дело продолжают истребители.

Александр крутанул баранку влево и изо всей силы нажал на левую педаль – при любых атаках маневрировать резко он мог только влево – вправо машина опрокинется.

«Мессершмитты» пронеслись вперед, к тройке Казаринова. Восемь штук. Звено ведущего встретило их дружным огнем: со всех трех бомбардировщиков сверкнули трассы. Удалили и истребители. Кто кого подбил, Александру досмотреть не удалось.

– Четверка справа, атакует нас! – доложил Рыбин.

Справа – это уже хуже, туда быстро не отвернешь, да надо, иначе «мессершмитты» прошьют без особого труда. Александр лишь ослабил левую педаль – и бомбардировщик повел носом вправо. Тут же с обеих сторон сверкнули трассы. Фашисты промахнулись и метнулись за самолетом Гордецкого, который подтягивался к тройке Казаринова.

– Еще вправо! – скомандовал Рыбин.

«Фашистские легчики заметили, что правый винт не работает, – догадался Александр, – атакуют только справа... Хотя бы перетянуть линию фронта...»

Он все-таки сманеврировал, и фашистские легчики снова промахнулись. Зато Рыбин оказался молодцом: изловчился и распорол брюхо одному «мессершмитту». Истребитель смрадно задымил, перевернулся через крыло и рухнул вниз.

Меткая очередь Рыбина разозлила фашистов: вокруг подбитого бомбардировщика закружили четыре «мессера». Иван Гайда стрелял все короче и реже – берег патроны, – а потом и совсем замолчал. И тут же по обшивке бомбардировщика хлестко ударило.

– Командир, ра... – Голос Рыбина заглушил треск разламывающейся машины. Бомбардировщик клюнул носом. Александр хватил на себя штурвал, но он подался без всякого усилия – самолет был неуправляем. Земля со свистом понеслась навстречу.

– Прыгайте! Всем прыгать! – крикнул Александр по СПУ.

9

*2/VII 1941 г. Обучение летчиков взлету и посадке ночью,
пилотированию по приборам...
(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)*

Десятая ночь войны подходила к концу: тухли на небе одна за другой звезды, на востоке обозначилась полоска горизонта, а вскоре стали прорисовываться и контуры далеких зубчатых гор, островерхих кипарисов, тополей.

Десятая ночь... А кажется, что война идет целую вечность. Меньшиков чувствовал себя таким измученным и усталым, что голова валилась на грудь, глаза слипались и стоило большого труда отгонять сон, давать команды обучаемому, помогать ему при отрыве бомбардировщика от земли, на посадке, подсказывать, делать замечания. Десятая ночь. Наконец-то началась ночная работа. Поздновато, но... Лучше поздно, чем никогда. 27 экипажей полк недосчитался за эти дни. И каких экипажей! Капитана Колесникова, старшего лейтенанта Ситного, лейтенантов Тарасова, Захарова, Туманова...

Хорошо, что ночи пошли на прибыль, а этой – вообще, кажется, не будет конца: небо чуть посерело у горизонта, да так и застыло полусумрачным, словно испытывая терпение Меньшикова. И он, пока лейтенант Проценко, его обучаемый, рулил на стоянку, не выдержал: едва лейтенант выключил моторы, откинулся на спинку сиденья и, не расстегнув привязные ремни, уснул беспокойным зыбким сном переутомившегося человека. Достаточно было штурману позвать его: «Товарищ майор!», как Меньшиков поднял голову и обеспокоенно спросил:

– Что? Почему выключили моторы?

– Заправляться зарулили, – пояснил штурман. – И закругляться придется – вас командир корпуса на проводе ждет.

– Иду, иду. – Меньшиков отогнал остатки сна, затекшими, непослушными руками расстегнул замок привязных ремней, карабины парашютов и торопливо спустился на землю. От освежающего ветерка, доносившего запах моря, от оглушающей тишины, какая бывает только ранним утром и которую так любил Меньшиков, закружилась голова. Горизонт, виднеющиеся вдаль деревья вдруг качнулись, заволоклись туманной дымкой. Меньшиков, чтобы не упасть, схватился за плечо штурмана, распрямился. Туман исчез, но в глазах продолжало рябить, и горизонт, и деревья качались из стороны в сторону, будто он стоял на палубе корабля в волнующемся море.

«Уж не заболела ли я? – с тревогой подумал майор. – Только этого не хватало. Кто же тогда будет вывозить летчиков ночью?»

К бомбардировщику подъехали топливозаправщик и полуторка с баллоном сжатого воздуха. Когда баллон сняли, Меньшиков сел в кабину к шоферу и приказал подбросить его к штабной землянке.

Дежурный встретил его на входе и отдал рапорт: в течение ночи, когда доносился гул фашистских самолетов, кто-то с северной стороны аэродрома трижды подавал сигналы ракетами, указывая место стоянок наших бомбардировщиков. Группа, выделенная для поимки диверсанта, вернулась ни с чем – он где-то прячется надежно.

Меньшиков вспомнил, что и он видел, как в небо поднималась горящая ракета, но не придавал этому особого значения – могли стрелять наши бойцы от нечего делать. А оказывается, положение очень серьезное: диверсант и шпион (может, он одно и то же лицо, а может, их несколько) рядом, надо срочно принимать меры, пока не произошло худшее.

– Петровский знает об этом?

– Так точно. Он был здесь и лично руководил поимкой диверсанта.

«Тем хуже для него», – мелькнула у Меньшикова мысль. Может, теперь убедится, как не прав был в отношении Туманова.

Меньшиков вошел в землянку – отгороженную, с телефонами и радиостанцией коммунашку, – взял лежавшую на столе трубку:

– Слушаю. Двадцать первый.

– Здравствуй, Федор Иванович, – сразу отозвался Тулинов. – Как отработал?

– Хорошо отработал, товарищ Сотый. Плановую таблицу выполнил.

– И сколько у вас теперь ночников?

– Восемь.

– Маловато. – Тулинов с кем-то посоветался. – Сегодня вышлем вам пополнение: пять летчиков и четыре штурмана. Стрелков подбирайте у себя. Да, вот какая еще новость: Ситный и Идрисов объявились. Подбили их, сели на вынужденную чуть ли не на передовой. Блукали с отступающими частями. Только полчаса назад подали голос. Завтра-послезавтра вернутся. Но тоже без машин. Латайте свои. А когда у нас что-нибудь появится – подбросим. Теперь можешь Ситного помощником использовать.

Еще раз напомнив о форсировании ночной подготовки и пожелав успехов, Тулинов повесил трубку.

Сообщение генерала о том, что Ситный и Идрисов живы, подняло настроение Меньшикову: может, и еще кто объявится. Снова почему-то на первое место выступил Туманов. Очень уж о нем убивается Пименова. Два дня назад Меньшиков увидел ее и с трудом узнал – так похудела она и осунулась. Гордецкий, рассказывают, каждый день навещает ее, утешает: вернется, мол... Настоящая любовь, настоящая дружба. Меньшикову тоже очень хотелось, чтобы Туманов вернулся.

10

*29/VI 1941 г. Боевой вылет с бомбометанием по скоплению войск
противника в районе Кременца...
(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)*

«Мессершмитт» стрелял издали, потом несся на него, нацелив острым носом, намереваясь перерубить крылом стропы, и Александр начинал дергать накрученные на руки жгуты, раскачиваясь из стороны в сторону. Фашист не выдерживал, отворачивал в сторону, догадываясь, что русский летчик угодить хочет в винт, заплатить жизнью за жизнь.

Истребитель делал круг, круто разворачивался, и все начиналось сначала. Александром владела лишь злоба – ни о смерти, ни о спасении он не думал. Хотелось одного: угробить этого ублюдка, стремившегося во что бы то ни стало расстрелять, по существу, безоружного человека.

И все же он почувствовал приближение земли, отпустил стропы. Тут же последовал удар. Александра дважды перевернуло через голову – парашют продолжала нести инерция скольжения. Наконец купол зацепился за куст, и летчик вскочил на ноги. Молниеносно отстегнул карабины парашюта, бросился в лес, под укрытие больших деревьев, слыша приближающийся гул вражеского истребителя. И вовремя: «мессершмитт» спикировал на парашют, прошил его пулеметной очередью. Завершив свое дело, взмыл и скрылся за лесом.

Гул самолетов все еще стоял в ушах, а новая опасность уже висела над Александром, подгоняя его, заставляя напряженно искать выход: территория занята врагом, немцы, несомненно, видели, как спускался советский летчик, и послали на его поимку своих солдат. Надо быстрее уходить. Вначале нужно спрятать парашют, чтобы немцы дольше искали место приземления и не сразу узнали, что летчик остался жив.

Он вернулся к парашюту, стащил его с веток, скрутил в комок и запрятал в гущу куста.

Длинные тени от деревьев – солнце уже спустилось к горизонту – указывали направление на восток, и Александр поспешил покинуть гостеприимную опушку, которая приютила его. Вошел в лес и побежал в глубину, не обращая внимания на стегающие по лицу ветки, на рвущие комбинезон сучья.

Лес сменился густым перелеском, и идти стало еще труднее. Александр взял направление в низину, надеясь найти там ручеек. Кустарник наконец поредел и вскоре кончился совсем. Александр спустился в балочку, заросшую осокой, крапивой и ивняком. Поискал ручеек, лужицу. Ничего. Сухая земля. И такая стояла тишина, что было слышно, как стучит сердце. Ни выстрелов, ни птичьего голоса, ни даже комариного писка. Будто все вокруг вымерло.

По другую сторону балочки на бугре снова начинался кустарник. Летчик направился туда. Поднялся на бугор, и его взору неожиданно представилось село. Типично украинское, какое он с час назад наблюдал с высоты полета, – с белыми хатками, крытыми соломой, палисадничками, садами. Есть ли там немцы? Не видно ни души. Неважное предзнаменование.

Внезапно слева раздался топот и лошадиное фырканье. Александр притаился за кустом и увидел невдалеке двух всадников в немецкой форме. Они проехали проселочной дорогой по направлению к деревне. Значит, туда ему путь заказан. А так хотелось пить! И ноги подламывались от усталости. Придется обходить село ночью. Александр спустился к балке – здесь было прохладнее – и, забравшись в кусты, стал ждать, пока стемнеет. Усталость тут же дала о себе знать: глаза стали слипаться. Александр вынул из кобуры пистолет, загнал патрон в патронник и, поставив курок на предохранитель, прилег на бок, прикрыв собою оставшегося единственного друга, на чью помощь он надеялся.

11

*6/VII 1941 г....Боевой вылет с бомбометанием по Бухаресту...
(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)*

Меньшиков долго стоял на аэродроме, глядя в сумеречное вечернее небо, где набирали высоту и подстраивались друг к другу бомбардировщики. Вот эскадрилья собралась – три тройки, вытянутые правым пеленгом, – и взяла курс на запад. На земле уже властвовала темнота, а небо все еще закатно багрянилось, и темные силуэты самолетов медленно и нехотя растворялись в нем, теряя очертания. Вот они исчезли совсем, а Меньшиков все стоял, смотрел вслед и чувствовал, как душа наполняется тоской и болью, словно он провожал боевых друзей в последний невозвратный полет, хотя эскадрилья улетала на первое ночное задание. То ли потому, что недельный перерыв в боевой работе отдалил его от потерь, и он стал потихоньку забывать горящие самолеты в небе Румынии, – а сегодня та картина воздушного боя всплыла вдруг со всеми подробностями, – то ли потому, что задание эскадрилье было особенно сложное и ответственное, он переживал сильнее, чем перед налетом на Бухарест, где участвовал сам.

Неужели и ночные полеты окажутся такими же роковыми, как дневные? Нет, не должно, не может быть. Ведь от полка, по существу, осталась одна эскадрилья.

Ждать, когда экипажи вернутся с задания, думать о них было так мучительно тяжело, что он, побродив немного по аэродрому, сел в эмку и поехал в гарнизон проводить свою квартиру, куда не заглядывал со дня отъезда жены и дочери.

Меньшиков открыл свою квартиру, и на него дохнуло застоялым, затхлым воздухом, словно в квартире век никто не жил. Луч карманного фонарика высветил пустые рамки из-под фотографий – символы пустоты, покинутости, – и у него стиснуло дыхание, будто сердце начало давать перебои; на глаза навернулись слезы. Он опустил луч фонарика на пол. Недалеко от двери стояли Зинины комнатные тапочки, детские ботиночки. Стол уже покрылся пылью. На диване лежало скомканное покрывало – Зина тоже торопилась.

Меньшиков поднял его, сложил конвертом. Опустился на диван. Пружины жалобно скрипнули, будто спросонья, и все снова стихло. Неуютно и мрачно было в его совсем недавно наполненной музыкой и радостным смехом квартире. Он выключил фонарик. Вместе с темной на него сразу же навалилась усталость, и скрипнувший диван как бы позвал: приляг хоть на минутку, как бывало...

Как бывало!.. Он приходил с полетов, брал газету и, положив под голову подушку, читал. Потом засыпал на часок, не более, чтобы бодрым и свежим вернуться в штаб и заняться «земными» делами: разбором полетов, составлением плановых таблиц предстоящих полетов, чткой документов. Иногда вечерами к ним приходили товарищи по службе. Пили чай, слушали музыку, говорили о всяких пустяках, шутили, смеялись. И было так весело, так хорошо!

Было, было... А теперь одни переживания. И сколько еще такое продлится? Думали, Гитлер через неделю выдохнется, а он все прет и прет. Сданы Каунас, Вильнюс, Минск, Ровно, Львов... Сколько еще придется пустовать его квартире и вернуться ли сюда Зина с дочуркой?

...Было воскресенье, и в институте, куда приехала поступать Зина, никого, кроме сторожа да коменданта, им разыскать не удалось.

– Вы рано приехали, – недовольно сказал комендант девушке. – Экзамены с 1 августа, общежитие освобождается только 30 июля. Так что три дня вам придется пожить у своих знакомых.

У Зины снова на глаза навернулись слезы. Меньшиков уже знал, что в столице знакомых у нее нет, денег ни копейки, она додумалась на ночь положить их вместе с паспортом в чемодан...

Предложить ей поехать в Монино, в его холостяцкую комнатку?.. Другого выхода он не видел.

– Идемте. Что-нибудь придумаем. – А когда вышли из здания института, сказал твердо, как давно решенное: – Поживете эти дни у меня.

Она испуганно замотала головой.

– А без документов вас ни в одну гостиницу не пустят. – Слезы струйками побежали из ее глаз.

– А это уже ни к чему, – ласково пожурил Меньшиков. – Надо не плакать, а искать выход. Раз вы не хотите ко мне, давайте сделаем так: я куплю вам билет на обратную дорогу, дам денег. До Пензы (родители ее жили там) недалеко, и вы к экзаменам успеете обернуться.

Она еще решительнее замотала головой.

– Почему?

– Мачеха больше меня не отпустит, – сквозь слезы выдавила она.

– У вас мачеха?.. А отец... родной?

Она кивнула.

– Но он... он слушает ее.

– Почему они не отпустят?

Она пожала плечами.

– Мачеха боится, что подумают, будто она меня выжила из дома. Настаивает, чтобы я училась в Пензе.

– А как она к вам относится?

Зина подумала.

– В общем-то, неплохо. Но мы не любим друг друга.

– За что?

– Я ее – за маму. Она липла к папе, когда мама была еще жива.

– А ты откуда это знаешь? – Он и сам не заметил, как вырвалось у него «ты», но поправляться не стал – так проще и доверительнее.

– Папа сам маме рассказывал.

– И после этого он женился на ней?

Зина печально кивнула.

– Он такой бесхарактерный...

– Почему ты думаешь, что и она тебя не любит?

– Я ж видела...

– И потому уехала?

Снова кивок.

– Да, печальное положение... Ну вот что, я оставлю тебе денег – и поступай как знаешь. Мне завтра на службу. – Он полез за деньгами. Она протестующе замахала руками.

– Нет-нет, я не возьму. Все равно без документов...

– Вот видишь, выход остается один – ехать ко мне. А я пока поживу у товарища.

Она все еще колебалась. Потом робко спросила:

– А у вас там... только мужчины?

– Не только. Есть и женщины, жены командиров. Да ты не беспокойся, никто тебя не обидит.

Последняя фраза, кажется, убедила ее, она пошла за ним.

До вечера они гуляли по Москве: ходили в кино, в парк, ужинали в ресторане. Настороженность и недоверчивость Зины развеялись, и порог общежития она переступила без прежнего страха. А на следующее утро, когда он пришел к ней, не заметил на лице и следов переживаний. Зина показалась ему еще более симпатичной.

Он положил на стол деньги.

– У меня к тебе небольшая просьба: сходить в магазин. Я весь день буду на занятиях, вернусь вечером голодный. Так что приготовь ужин по своему вкусу. Посмотрю, какая ты хозяйка, – весело подбодрил он ее. – И себя, разумеется, голодом не мори...

Через три дня Зина уехала сдавать экзамены. Не вернулась она, как обещала, ни в первое воскресенье, ни во второе, ни в третье. И он из-за занятости по службе не мог вырваться в столицу. Раньше, возвращаясь в свою комнатенку, он преспокойно заваливался спать, а теперь, несмотря на усталость, подолгу лежал с открытыми глазами. И он вдруг обнаружил, что скучает по девушке, что без нее ему стало одиноко и тоскливо. Вспоминает их встречу, перебирает в памяти все слова, сказанные ею...

Зина прислала письмо. Благодарила Федора за доброту и чуткость, сообщала, что экзамены выдержала успешно, зачислена студенткой 1-го курса филологического отделения и живет в общежитии; извинялась, что не смогла приехать – очень занята; приглашала к себе. А у него тоже начались полеты.

Однажды, уже поздней осенью, дежурная по общежитию передала ему конверт.

– Вас тут ваша знакомая дождалась. Но не дождалась.

Он разорвал конверт. В нем были деньги и короткая записка:

«Федя, возвращаю долг. Большое спасибо за все. Надеюсь тебя увидеть, но дежурная предупредила, что ты, возможно, не вернешься, будешь ночью летать. До свидания. Зина».

Ему хотелось броситься за ней вслед. Но она была уже в столице, а ему предстояло рано утром лететь на задание...

Мягкий диван, домашняя обстановка, а больше всего усталость и напряжение прошедших дней сделали свое дело – глаза сами собой закрылись.

«Надо позвонить на коммутатор, предупредить, где я», – подумал он. Дотянулся рукой до тумбочки, нащупал телефон, снял трубку.

– Волна слушает, – тотчас ответил незнакомый женский голос: на коммутатор взяли новых телефонисток, и Меньшиков не научился еще узнавать их по голосам.

– Это Двадцать первый. В случае чего звоните мне на квартиру.

– Есть, товарищ Двадцать первый, – по-военному ответила телефонистка.

Меньшиков положил трубку и, откинувшись на спинку дивана, уже сквозь сон вспомнил, чей это голос: Пименовой. После гибели Туманова она приходила к нему, просилась в воздушные стрелки – хотела мстить фашистам, хотя в смерть Александра, сказала она, не верит. «Правильно сделал, что отговорил ее, – подумал он теперь. – Не женское это дело – стрелять...»

Проснулся он так же внезапно, как и уснул. В окна уже вливалась предрассветная мгла, растекаясь по столу и стульям, книжному шкафу, шифоньеру. Всюду – на стульях, на диване в уголке (раньше он ничего этого не замечал), на кровати валялись вещи: Зинин халат, свитер, чулки, Нинины платица, пальтишко с капюшоном, валеночки – то, что хотели они взять и не смогли. «Надо все собрать и уложить, – мелькнула мысль, – а как только они пришлют письмо, отправить им».

Он энергично поднялся, чувствуя себя отдохнувшим, полным сил, зашел в умывальник – вода, к счастью, еще была, – плеснул несколько пригоршней в лицо и поспешил на улицу, где в эмке крепким молодым сном спал водитель. Его не разбудил ни стук открываемой и затем захлопнувшейся дверцы, ни оклик. Лишь когда Меньшиков потряс его за плечо, шофер проснулся, вытер ладонью струйку слюны на подбородке и торопливо включил мотор.

Бомбардировщики стали возвращаться, когда солнце уже оторвалось от горизонта и повисло над палатками, раскинутыми на краю аэродромного поля. Их гул прозвучал как сигнал сбора: из землянок, капониров, из-под маскировочных сеток, где ремонтировались самолеты, из походных авиаремонтных мастерских выскакивали люди и бежали к взлетно-посадочной полосе, где должны были садиться вернувшиеся боевые машины.

Они летели со стороны моря прямо к четвертому развороту на небольшой высоте: первая тройка, спустя немного – вторая и затем третья. Меньшиков смотрел во все глаза, верил и не верил увиденному – вернулись все девять самолетов. И возвращались они совсем по-другому – по-парадному держали равнение, моторы будто бы пели торжественную песню победы, дружно, ладно, чистоголосом. Громогласное «ура!» подхватило их песню и троекратно пронеслось по летному полю.

Вернулись все. Все до одного!

12

*29/VI 1941 г....Боевой вылет с бомбометанием по танкам в районе
Ровно, Мизоч. Высота – 2500. День. Продолжительность полета – 4 ч.
46 м...*

(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)

Пименову то ли снилось, то ли вспоминалось самое мрачное, самое горькое и неимоверно тяжкое прошлое – воскресный июльский день 1938 года, день больших надежд и разочарований.

Он явился домой в начищенных до зеркального блеска хромовых сапогах – солнечные зайчики прыгали с одного носка на другой, когда он шел, – в отутюженных галифе и гимнастерке с белоснежным подворотничком, затянутый похрустывающей портупеей, в лихо сдвинутой набок пилотке: накануне он совершил первый самостоятельный полет, можно сказать, стал летчиком.

Рита, младшая сестренка, увидела его и онемела от восторга. Она ходила вокруг, рассматривая его со всех сторон широко раскрытыми глазами, трогая пальчиками с особой осторожностью складки на брюках, будто боясь обрезать, петлицы с золотом шитыми буквами «ВАУЛ» – военное авиационное училище летчиков.

– Ой, Шурик, какой ты красивый! – сделала она наконец заключение и громко позвала: – Мама, мама! Иди скорее сюда!

Мать вышла из соседней комнаты, сжала на груди руки, глядя на него гордо, с улыбкой. Вдруг в глазах ее мелькнуло беспокойство, и она, подойдя к сыну, обняла его за плечи. Ее беспокойство сразу же передалось и ему: накануне вечером он звонил домой, отца не было, и мать сказала, что он задерживается – в универмаге началась ревизия. Он поспешно спросил:

– Отец дома?

– Дома, дома, – ответила мать и, поняв свою ошибку, заговорила радостно: – Ждет тебя с самого утра. Он уже знает, что ты вылетел самостоятельно. Вот готовимся в гости. Ты не забыл?

Еще бы! Забыть, что у Иры сегодня день рождения – восемнадцать лет! Разве он мог? Для нее он, пожалуй, и наглаживался, начищался, одеколонился. Ответил как можно равнодушнее, чтобы не выдать своих чувств:

– Нет, разумеется.

С Ирой, дочкой товарища отца, инженера приборостроительного завода, Александр учился в одной школе, на класс старше, но это не мешало им вместе ходить в школу, готовить уроки – жили они по соседству, – читать одни и те же книги. Она ему нравилась всегда, сколько он ее помнил, а что это любовь, он понял лишь в шестом классе. Черноглазая, с толстой смоляной косой, тоненькая и подвижная, как юла, она представлялась ему Бэлой, героиней любимой лермонтовской повести. И фамилия у нее была не русская, горская – Хаджи-Илья, и характером отличалась – своенравная, независимая, гордая. В школе на всех она смотрела свысока, за исключением Александра, несмотря на это, мальчишки ее любили, а девчонки ненавидели. И она платила им тем же: гордо проходила мимо, не удостоивая ни одну взглядом.

У нее была удивительная память. Училась она хорошо, знала наизусть почти все стихи Лермонтова и Пушкина и так выразительно читала «Песню про купца Калашникова», «Русалку», что у многих одноклассников наворачивались на глаза слезы.

Чувство Александра к ней с каждым годом росло. И Ира привязывалась к нему все больше. Когда она училась в девятом классе, ее отец как-то сказал шутя отцу Александра: «Слушай, брат Василий Петрович, коли в твоём Шурке будет путь, так отдам за него Иришку».

Ирина вспыхнула и так сердито взглянула на отца, что он вынужден был попросить прощения: «Ну, ты прости меня, Ирок, прости. Ведь это так у Пушкина написано, а я лишь имена подменил»...

В зале раздался непонятный шум и приглушенный вскрик. Александру показалось, что вскрикнула мать, и он кинулся в дверь. То, что он увидел, ошеломило его и приковало на месте: двое штатских и капитан милиции Гандыбин, которого Александр хорошо знал – он не раз бывал у них в доме, ездил с отцом на рыбалку, – стояли около отца Александра, показывая ему какую-то бумагу.

– Что ж, – пожал отец плечами. – Идемте. Вы убедитесь, что у меня ничего нет. – У двери отец обернулся и сказал ободряюще, но не совсем уверенно: – Не волнуйтесь, это недоразумение, я ни к чему не причастен...

13

28 июня 1941 г. Наша авиация вела успешные воздушные бои и мощными ударами с воздуха содействовала наземным войскам...
(От Советского информбюро)

Александр очнулся от еле слышного шелеста: какая-то птичка пролетела у самого уха и уселась над головой. И по лесу разнеслась переливчатая, такая знакомая и родная трель, какую он слышал еще до войны. Она на миг заглушила доносившуюся издали артиллерийскую канонаду. Птаха так старалась, такие выводила переливчатые рулады, что грудь Александра, казалось, разорвется от безысходной тоски по далекому безмятежному детству. Так же пели птицы тогда в саду у бабушки в станице Холмской, куда приезжал он на время летних каникул! Бабушка, бывало, слушала их пение и приговаривала:

– До чего ж благозвучна божья пташка! И откуда у нее силы берутся выводить такие песни?

Александр приподнялся, хрустнула под ним ветка, и птаха вспорхнула. Он пошел вправо, убыстряя шаг, обогнул село и, держа Полярную звезду слева, двинулся напрямую. Шел то лесом, то мелким кустарником, то совсем пустырем – полем или дальними огородами – и вскоре почувствовал усталость: бездорожье быстро выбило его из сил. Он не остановился и не сбавил шага – днем идти вряд ли удастся. Наконец ему удалось попасть на малоезженный проселочный шлях. Кругом по-прежнему стояла тишина, даже канонада на востоке умолкла, и он рискнул идти по дороге. На всякий случай снял ремень с кобурой, положил их в шлемофон и, сойдя на обочину, закопал под кустом. Комсомольский билет и удостоверение личности завернул в платочек, засунул в нагрудный карман гимнастерки. Расстегнул ворот и подвернул его, чтобы не было видно из-под комбинезона. Теперь он походил на тракториста или шофера – они носили такие же комбинезоны, – но пистолет не выпускал из руки, держал за пазухой. И шагал теперь смелее, увереннее. Надежда на то, что он доберется до своих, придавала ему сил.

Гимнастерка на нем взмокла, все нестерпимее хотелось пить, но он шел и шел, не сбавляя шага, думая лишь об одном: как можно быстрее попасть к своим!

Внезапно ухо уловило приближающийся автомобильный гул. Похоже, впереди было шоссе: гул вначале усилился, затем постепенно затих – удалился. А следом за ним появился новый, более мощный рокот: не иначе, танки.

Александр сбавил шаг и, пройдя еще минут десять, увидел впереди движущиеся огоньки. Точно, шоссе. Он мысленно восстановил ориентировку: из Дубно на Ровно. Надо, пока темно, перейти его и забраться в глубину, подальше от трассы, где меньше вероятность напороться на немцев.

Колонна двигалась довольно быстро – километров шестьдесят в час. Торопятся фашисты, снаряды подбрасывают, горячее своим вырвавшимся вперед частям. Где теперь наши, сколько ему топтать придется по вражескому тылу?

Александр приблизился к шоссе и, дождавшись, когда между колоннами появится значительный разрыв, перебежал дорогу и пошел прочь от нее по кочкам и рытвинам, с трудом переставляя утомленные, натруженные ноги.

Почти совсем рассвело, когда он вышел из леса, и взгляду его открылись белые украинские хатки, вытянувшиеся на бугре вдоль пруда, окаймленного развесистыми плакучими ивами. Там, куда он вышел, до воды было не более сотни метров, и его потянуло туда как магнитом. Но прежде он внимательно осмотрел берег, каждую хатку. Убедившись, что никто ему не угрожает, спустился к берегу и с жадностью припал к удивительно вкусной, прохладной воде. Напился вволю. Поднялся, расстегнул комбинезон, умылся. Сразу почувствовал себя

бодрее, будто сбросил с плеч тяжелую ношу. В желудке заурчало, напоминая, что почти сутки у него во рту не было маковой росинки. Он пожалел, что отказался от второго завтрака, привезенного перед вылетом на старт, и усмехнулся над собой: на всю жизнь не наешься.

Еще раз осмотрел хатки. Ни единой души. Решил рискнуть – зайти в крайнюю и все разузнать. Обошел ветлу, поднялся на бугор и замер: около третьей хаты с краю, у забора, стояли привязанные, под седлами кони. Невдалеке от них ходил часовой.

Александр попятился с бугра и, пригибаясь, устремился к лесу. Лишь когда деревья надежно укрыли его, он перевел дух и сбавил шаг, давая сердцу передышку, чтобы унять суматошные рывки. Ноги подкашивались, и тело стало каким-то вялым, непослушным. Он, как и накануне, подобрал подходящий куст и забрался в самую гущину. Пожалел, что закопал шлемофон, – нечего было подложить под голову. Выбрал разлапистую ветку, подогнул ее. Жестковато, тонкие прутья впивались в лицо. Но ничего, терпимо. Главное, чтоб никто не наткнулся. И уснул, как и прежде, зыбким птичьим сном – глаза, хоть и закрыты, все видят, уши все слышат.

И снова ему то ли снилось, то ли мерещилось: он идет по Краснодару, по улице Кубанской, никого не видя затуманенными от слез глазами, еле сдерживая рыдания. Идет, не зная куда и зачем, не зная, что делать дальше. Сердце надрывно саднит от горя и отчаяния: их квартира уже занята другими, куда уехала мать с сестрой, никто не знает. Из училища, когда он доложил о том, что отец осужден за растрату, ему предложили уйти. Его мечта рухнула... А Гандыбин назывался другом отца, вместе с ним пили, проводили выходные дни...

Какая-то птичка села на куст и тут же вспорхнула. Он проводил ее взглядом и увидел среди листвы бледно-зеленые, с острыми уголками лепестков комочки. Орехи! Он, забыв обо всем, поднялся и в один миг нарвал пригоршню. Очистил, раскусил один, второй. В еще незрелой скорлупе таилось маленькое, с пшеничное семечко, зернышко да ватоподобная безвкусная прослойка. Утолить аппетит такими маковыми росинками было просто невозможно.

Александр вышел из куста, обшарил вокруг все взглядом – съестного ничего. Да и что могло быть в лесу? Вот если бы попались яблони или груши-дички! Или земляника. Ведь они уже созрели. Они должны быть, надо только на них напасть. Земляника, скорее всего, растет на поляне, на взгорках, а яблони и груши-дички – тоже поближе к опушкам. Он начал искать. Чтобы случайно не выйти к деревне, которая, по его расчетам, находилась на востоке, он сориентировался по солнцу, просвечивающему сквозь верхушки деревьев, и взял курс на юг. Яблони и груши не попадались, лес стал редеть, и он наткнулся на кустик с красными, как кровь, ягодами земляники. Он нагнулся и бережно, чтобы не потерять ни единой капли сока, сорвал их и положил в рот. Ягоды были такие вкусные и ароматные, что у него, как от хмельного, закружилась голова.

Он нашел еще кустик, еще, а потом целую грядку. Рвал их обеими руками, не обращая теперь внимания, что сок раскрасил уже пальцы, несколько раз капнул на комбинезон. Ягоды хотя и не насытили его, но он почувствовал себя свежее, тверже на ногах – какая-никакая, а пища, калории для организма, которых он за сутки потратил немало.

Александр так увлекся, что не заметил, как вышел на поляну. Земляника здесь буквально усыпала небольшой пригорок, и он, ползая на коленях, рвал ягоды, ел и ел...

Вдруг его чуткое, настороженное ухо уловило человеческий голос. Он вскинул голову и невдалеке увидел двух женщин в легких цветных сарафанчиках, тоже собиравших землянику.

– Ни, мамо, то, мабуть, Мыкола нашкодив, – донесли до него слова, сказанные звонким детским голосом.

«Наши!» – обрадовался он и, вытерев тыльной стороной ладони губы, поднялся.

Занятые сбором ягод и разговором, женщины обратили на него внимание лишь тогда, когда он подошел и поздоровался.

Обе бросили свое занятие и пугливо уставились на него. Одной было лет сорок, вторая – девчушка лет четырнадцати.

– Не бойтесь, я свой, – попытался он успокоить их.

– Тэпэрь уси свои, – ответила женщина и глянула по сторонам в надежде увидеть защитников.

– Я летчик, – пояснил он. – Меня сбили, пробираюсь к своим. В селе немцы есть?

– Е, – уже смелее ответила женщина. – И нимци, и еще хтось. Дуже богато. Учора когось пиймалы, мабуть, тоже летчика. Кажуть, дуже змывались. Так шо в село не ходить.

Ясное дело, не ходить. Кого же немцы поймали? Вполне возможно, однополчанина.

– Не слышали, как его фамилия?

– Ни. Его тетка Владислава сховала. А хтось выдал. Ее тожь пытали. Тикать вам надо.

Ясное дело, надо. Только как? До линии фронта далеко, с пустым желудком туда не дотопашь.

– У вас поесть ничего не найдется? – стыдливо спросил Александр. – Я заплачу. – И для убедительности вытащил из кармана гимнастерки деньги.

– Нима ничего, мы ж на хвылынку забежали.

– Может, из дома принесете? Хлеба, картошки. – Он протянул ей деньги. Женщина подумала, взяла.

– Коли смогу.

– Я буду ждать вас здесь.

Она кивнула. Сунула руку в лукошко, и они с девочкой направились к селу. Он постоял, пока они скрылись за деревьями, и пошел следом, решив понаблюдать за ними из леса на случай, если женщина вздумает донести о нем немцам. Правда, на предательницу она не походила: лицо доброе, участливое, и сама предупредила его, чтобы в село не ходил. Но мало ли, как сложатся обстоятельства...

Женщина и девочка вышли из леса и пересекли лощину, тянувшуюся к пруду. Их дом оказался четвертым от края, рядом с тем, где утром стояли кони. Но теперь их не было. Не было и часового.

В селе царила какая-то напряженная, зловещая тишина. Редко кто появлялся на улице и быстро исчезал. Александр притаился за кустом и не выпускал из поля зрения ни одну хату. Женщина не выходила.

Прошел час-другой. Чтобы не думать о еде, он стал восстанавливать ориентировку, размышлять, куда докатился фронт и где теперь наши. Они бомбили танковую колонну, рвущуюся к Бродам, где развернулось крупное сражение. Судя по тому, что артиллерийская канонада сегодня еле слышна, немцам удалось сломить сопротивление наших и продвинуться вперед. Значит, фронт удалился еще километров на двадцать-тридцать, а Александр прошел за ночь не более пятнадцати километров, петляя по бездорожью, обходя стороной села. И перспектив двигаться быстрее у него пока нет, и ждать контрудара наших войск пока не приходится. А каждый день пребывания в тылу врага ухудшает и без того шаткое его положение.

14

29 июня 1941 г. На Луцком направлении продолжаются крупные танковые бои, в ходе которых наша авиация нанесла ряд сокрушительных ударов по танкам противника...

(От Советского информбюро)

Александр удалось благополучно выбраться из Краснодара и добраться до станицы Холмской. Способствовало этому, видно, то, что Гандыбина не было в городе и его подчиненные не подняли на ноги всю милицию.

Бабушка встретила Александра слезами и причитаниями, дед цыкнул на нее:

– Ты чего это, курицына мать, мокроту разводишь? К тебе внук пожаловал, жив, здоровехонек, встречай его как положено.

Бабушка перестала всхлипывать, засуетилась, собирая на стол, а дед взял его под руку и увел в другую комнату.

– Ну, докладывай, как и с чем пожаловал. – В его глазах, в голосе сквозила тревога. Дед прожил сложную и нелегкую жизнь, повидал всякое – и с японцами воевал, и с белоказаками, не раз бывал на волоске от смерти, – потому опасность чувал особенно остро. О том, что Александру придется уйти из училища, он предупредил сразу, как только осудили отца, но теперь дело было не только в этом, а в чем-то более серьезном и важном, и Александр не стал ничего утаивать, рассказал все как было.

Дед долго молчал, низко склонив свою седую голову. Бабка приоткрыла дверь, позвала к столу. Он снова цыкнул:

– Погодь ты! – И когда старуха закрыла дверь, потер бородку, покачал головой: – Значит, отомстить решил, курицын сын. А за что?

– Как за что? – не понял вопроса Александр. – Он же обыск у нас делал, ничего не нашел, а отца все равно осудили...

– А ты знаешь, кто такой Гандыбин?

– Еще бы. Начальник отделения милиции.

– Начальник отделения милиции... – с грустью повторил дед. – Велика шишка... А кто дефицитные товары спекулянтам сплавлял, знаешь?

– Откуда?

– Вот то-то и оно. Отец твой этим тоже не занимался. А куда смотрел?

– Гандыбин сам не раз просил у него достать то одно, то другое.

– То Гандыбин, – снова вздохнул дед. – Он для себя просил, а не для спекуляции. Со временем ты сам поймешь, что к чему. А вот что теперь делать?

– Дядя Костя советовал фамилию сменить.

– Как?

Дед опустил голову, сидел неподвижно с минуту, потом вдруг решительно распрямил спину.

– Идем обедать. На пустой желудок какие там думки...

Он ушел к своему другу, отставному адвокату.

Терещенко, который лет десять назад, в голодовку, взял из детского дома приемыша, двенадцатилетнего балбеса Шурку (своих детей у Терещенко не было). Два года промучились с ним дед и бабка, стараясь научить его уму-разуму, на путь истинный наставить, но приемыш не поддавался ни ласкам, ни строгости: учился плохо, лазал по чужим огородам, а случалось, и по квартирам. С трудом закончив седьмой класс, он сбежал от стариков совсем. И вот уже более четырех лет о нем не было никаких известий.

– Может, от него какие документы остались? – шепнул дедушка Александру.

Вернулся он печальный и озабоченный, снова уединились в другой комнате.

– Нет, никаких документов не осталось. Да никаких у него и не было. Только свидетельство об окончании седьмого класса. И то он, курицын сын, спер. Значитца, смекал, что к чему. Да и, сказать по правде, не нравилась мне его фамилия – Туманов. С другой стороны, тезка твой. И отчества нету.

– Как нету? – У Александра уже зрели кое-какие планы.

– А так, – боднул дед головой. – Таковский был, курицын сын. Говорил: «Нет у меня отца, значитца, и отчества нет». И фамилию Терещенка не захотел взять. Так-то.

Александр достал свои документы, возвращенные из военного училища, – свидетельство об окончании десятого класса, свидетельство о рождении, комсомольскую характеристику. Всюду фамилия его была написана скорописными буквами. И воскликнул от радости:

– Есть, дедушка! Есть новая фамилия!

– Ну-кошь, покажь.

Дед повертел бумажки, но замысла внука не понял. И Александр объяснил:

– Это очень хорошо, что у моего тезки фамилия Туманов. Подставить вот сюда палочку, а вот сюда и сюда закорючки – и Пименов превратится в Туманова...

15

*...Наши боевые летчики отважно дерутся с противником,
постоянно помня о взаимной помощи и выручке в бою...
(От Советского информбюро)*

Александр часа три наблюдал за селом, особенно за четвертой хатой, где скрылись женщина с дочерью. Но они не появлялись. И вообще село выглядело как-то странно: единственная улица была пустынна. Редко кто выскакивал во двор и быстро исчезал. И немцев нигде не было видно. Александр ломал голову: что за зловещая тишина сковала село, что там случилось или какие события назревают? А голод еще пуще давал о себе знать. Хотя бы кусочек хлеба! Снова пойти, что ли, на бугор за земляникой? Он уже собрался покинуть свое укрытие, когда послышался треск мотора и на проселочной дороге, соединяющей тракт с селом, показался мотоцикл с тремя немцами в мышиного цвета мундирах, а невдалеке за ним – крытая брезентом грузовая автомашина.

Что-то теперь делается в полку, что о нем думают Рита, Меньшиков, Петровский? Каждый по-своему переживает его исчезновение. И никто даже предположить не может, в какой он сейчас ситуации. Вот ведь как нескладно порой распоряжается судьба жизнью человеческой: он изнывает от жажды, от голода, спешит к близким ему людям, а они считают его уже мертвым...

На душе у него постепенно утихло, и он уснул. И сразу ему явилась летная столовая, еще довоенная, с белыми занавесками на окнах, с накрахмаленными салфетками, с белоснежными скатертями; и на столах – что только душа пожелает: красные помидоры, сочные хрустящие огурцы, ломтики ветчины и чавычи, супы харчо и пити, всяческое жареное и пареное. Он ел то одно, то другое, все было такое вкусное и аппетитное, но какое-то нематериальное – он клал еду в рот, начинал жевать, и она, как восточная сладость, таяла, исчезала. Он ел, а голод не проходил, еще сильнее терзал желудок. От голода он и проснулся.

В лесу властвовал уже сумрак, и небо сквозь листву просвечивало не голубое, как днем, а синее с фиолетовым отливом, прохладное и бодрящее. Александр взглянул на часы – восьмой час. Вот это поспал! И, несмотря на голод, он чувствовал себя окрепшим, полным сил, зовущих к действию. Идти еще рано, надо дождаться темноты. Обойти село справа, пересечь шоссе и по ту сторону дороги пробираться лесом на восток. А пока совсем не стемнело – хоть немного подкрепиться земляникой. Как же выйти на ту поляну? Уходя от села, он круто взял вправо. Значит, надо вначале выбраться к селу, а оттуда на поляну. Он сунул пистолет за пазуху и, держа его в руке, осторожно стал пробираться сквозь кусты.

Село показалось быстрее, чем он предполагал – он отошел совсем недалеко, – и Александр приостановился, решив еще понаблюдать, что там творится теперь.

Ни одной души – ни жителей, ни немцев. Хотя не совсем так. У третьей хаты с краю угла стоял мотоцикл, а во дворе прохаживался немец с автоматом в руках – часовой.

Александр задержал взгляд на мотоцикле, и в голове мелькнула заманчивая дерзкая мысль: вот бы махнуть на нем к линии фронта! За ночь можно было бы добраться до своих. И эта случайная, мимолетная мысль уже не отпускала его, зрела в реальный, конкретный план. В селе войск не видно. Мотоциклисты – либо патрули, либо какая-то временная власть, оставленная для устрашения и подбора местного начальства. Немцам, видно, не особенно-то здесь досаждают – чувствуют себя хозяевами, – и часовой выставлен скорее для порядка – беспечно расхаживает по двору, семечки щелкает.

Подойти незамеченным к дому, пожалуй, труда особого не составит: по ложине к пруду, а там рукой подать. Встать за углом и – либо рукояткой пистолета по темечку, либо ножом между лопаток...

Прошло с полчаса. Сумерки сгустились настолько, что предметы потеряли очертания; лишь крыши домов черными контурами просматривались на темно-фиолетовом фоне неба. В хате зажегся свет.

Выждав еще немного, Александр осторожно двинулся по ложине к пруду, чтобы зайти часовому с тыла. Поднялся по бугру к хате, перелез прясла палисадника. Ползком подобрался к окну. В хате слышались пьяный гвалт, хохот, пение. Там, судя по голосам, находилось не много народу. Александр пополз в сторону часового. Тот расхаживал по двору, мурлыкая песенку, – тоже, по-видимому, был пьян. Надо дожидаться, когда он подойдет к углу.

Внезапно дверь скрипнула: кто-то вышел. Мурлыканье оборвалось. Немцы поговорили. Александр очень пожалел, что с пренебрежением относился в школе к иностранному языку: он ничего не понял. Вышедший помочился и снова ушел в хату. Самое время действовать.

Александр пружинисто встал, по-кошачьи неслышным шагом прокрался к углу и, достав из-за голенища нож, замер. Часовой продолжал мурлыкать, идя в его сторону. Но до угла не дошел, остановился и тоже стал справлять малую нужду. Он стоял лицом к двери и не успел ни обернуться, ни вскрикнуть – лезвие ножа полоснуло ему по горлу. Александр подхватил покачнувшееся тело и понес его к мотоциклу. Опустил бесшумно в коляску, взялся за руль и покатил мотоцикл со двора.

На улице ноги сами участвовали шаг. Он уже не боялся, что его услышат, и почти бегом направился по пыльной проселочной дороге из села по направлению к шоссе.

Когда он откатил мотоцикл от села метров на четыреста, впереди на шоссе показались движущиеся огоньки – колонна машин или танков шла на восток.

Александр остановился. Надо избавиться от фашиста. Подошел к нему, взялся за пояс. Немец оказался чертовски тяжелым (а в горячке он и не почувствовал этого). Снял у него с шеи автомат, положил в коляску – пригодится. Неплохо бы переодеться в его одежду, но мундир залит кровью. Она всюду липла к рукам, и Александр брезгливо вытирал их о комбинезон. И все-таки мундиром и пилоткой надо воспользоваться: на дороге его могут осветить фарами и нельзя допустить, чтобы кто-то из немцев усомнился, что это свой.

Он снял с фашиста ремень, расстегнул мундир, стянул его с одной руки, с другой; оторвал не промокший кровью кусок исподней рубахи и вытер им мундир. Пилотка была ему великовата, и он сдвинул ее на затылок, чтоб не сползала на глаза. Мундир натянул прямо на комбинезон – хорошо, что немец был упитанный. Поднатужился, выволок его из коляски и бросил рядом с дорогой.

Раньше Александру приходилось ездить на мотоцикле: Пикалов не скупился обучать своих однопольчан и одалживал мотоцикл любому, кому надо было стогнать куда-нибудь, потому Александр без особого труда управлял могучим и резвым БМВ; мотоцикл бежал легко и послушно, как застоявшийся конь, игриво прыгая на выбоинах и ухабах. Фару Александр пока не включал, чтобы не привлекать внимания с шоссе. Надо пристроиться к какой-нибудь колонне машин и идти за ней, пока будет возможность.

Ему повезло: по шоссе как раз шли машины, крытые брезентом, и открытые, с ящиками боеприпасов, с продовольствием. Александр выбрал разрыв между ними, включил фару и втиснулся в середину. Машины шли не очень-то быстро – километров пятьдесят, – а ему хотелось дать газ на полную мощность мотора. Но обгонять он пока не решался: вдруг кому-то захочется его остановить? Потому и плелся в колонне, стиснутый с обеих сторон врагами.

Смертельная опасность исчезла, и ему вдруг сделалось весело, он почувствовал такую уверенность в себе, что прибавил газу и тоже начал обгонять машину за машиной.

Местами дорога была разбита бомбежками, и, хотя воронки были засыпаны щебенкой, в колеях зияли выбоины, мотоцикл швыряло, как на трамплинах. Приходилось сбавлять скорость и втискиваться между машинами.

Внезапно ухо Александра в моторном рокоте уловило посторонний непонятный гул, похожий на приглушенный колокольный звон, только более глухой и не затухающий, а однотонный, даже чуть усиливающийся. Вскоре он понял, что это такое: впереди идущие машины высветили фарами фермы моста. Железо гудело и постанывало от тяжести, словно жалуясь кому-то на свою безрадостную и беспросветную судьбу. Что же это за речка? Стырь или ее приток? Машины шли безостановочно. Значит, никакой проверки не ведется. И не видно на обочинах зенитной артиллерии. Неужели так далеко ушли немцы?.. Небо пустынно. Лишь звезды печально смотрят вниз да гневно в бессилии стонет мост... САБ бы сюда да тройку бомбардировщиков с фугасно-осколочными, чтобы от моста и от этой колонны только дым да пыль остались...

Нет, фашисты мост охраняли: двое часовых по обе стороны с автоматами на груди провожали взглядами не сбавляющую скорость колонну. Александр проехал мимо, лишь на минуту почувствовав усилившиеся рывки сердца. Часовые не обратили на него внимания: мало ли, какой курьер мчится по своим делам к фронту? По своей охоте желающие туда попасть вряд ли найдутся.

Мост кончился, и Александр снова прибавил газу. Он так усердно гнал, что колонна вскоре осталась позади. А еще через полчаса впереди показались вспышки разрывов, и он услышал раскаты канонады. До линии фронта было уже рукой подать, но тут-то и начиналось самое трудное. Первое же село, в которое въехал Александр, было запружено танками, машинами, мотоциклами. Его могли остановить на каждом шагу, и он, чтобы избежать объяснения, не сбавил скорость, промчался по селу, будоража всех треском мотора.

Село осталось позади. Впереди все ярче и выше поднимались всполохи, все громче становилась канонада. Шоссе вело прямо на выстрелы, ехать по нему с каждой минутой становилось опаснее, и Александр свернул на первую же попавшуюся проселочную дорогу. Немцы наступают вдоль магистральных дорог; сплошной линии фронта конечно же нет, и надо попасть в такой разрыв.

Еще около часа он петлял по проселкам, тропинкам, бездорожью, пока мотоцикл не заглох – кончилось, видимо, горючее. Метрах в ста от него взметнулась в небо желтая ракета, осветив слева ржаное поле, а справа небольшой перелесок. Александр, преодолевая желание броситься в укрытие, остался на месте: наверняка его увидели, и, если он выкажет трусость, по нему откроют огонь. И точно: не успела ракета погаснуть, ему что-то крикнули на немецком языке: то ли звали, то ли спрашивали, что случилось. Он попытался завести мотоцикл – тщетно и, когда ракета погасла, юркнул в рожь.

Рожь была высокая и почти созревшая. Тугие колосья стегали по лицу, щекоча «усами». Его обдало приятным, напоминавшим что-то далекое: как-то во время летних каникул он у бабушки бегал с пацанами вот по такой ржи. Тогда ему здорово попало. «Ведь это же хлеб!» – возмущалась бабушка. А теперь этот хлеб он топтал ногами – стебли с хрустом лопались под сапогами – без всякой жалости. Вернее, жалость была – и к хлебу, и к нашим людям, которые сеяли этот хлеб и которым он теперь, даже если они его уберут, не достанется.

В небо снова взвилась ракета. Александр лишь пригнулся и ускорил шаг. Он прошел с километр, когда сзади застрочили автоматные очереди и одна за другой взмыли ввысь ракеты. Видимо, немцы обнаружили пустой мотоцикл и заподозрили неладное. Но стреляли они, судя по трассам и по наклону ракет, по кустарнику.

Теперь надо ухо держать востро – можно напороться на немецкие позиции.

Тревога вызвала ответную реакцию, и спереди, куда держал путь Александр, тоже взметнулась ракета. Надо подождать, пока фашисты успокоятся. Он опустил на сухую, не остыв-

шую еще землю, посмотрел на звезды. Большая Медведица уже подняла «коромысло» – перевалило за полночь; часа два темного времени он имеет в запасе, поэтому можно не торопиться.

Он сорвал несколько колосков, размял их на ладони, сдул шелуху и ссыпал зерна в рот. Зерна были еще мягковатые, с молочком, и показались ему невероятно вкусными; и снова ему вспомнилась бабушка, ее румяные шанежки, горячие, прямо со сковородки, которые они с Ритой очень любили. Александр нарвал еще колосков и с жадностью ел сочные зерна, стараясь утолить голод. Его трапезу прервала участившаяся стрельба справа. Он прислушался. Глухому частому стрекоту пулеметов отвечали более далекие одиночные выстрелы. «А ведь это отвечают наши, – обрадовался Александр. – Значит, наши не так далеко». Он выждал еще немного и пошагал прямо на восток, где было тише и спокойнее. Вспыхивающие вдали ракеты нарисовали ему довольно отчетливую панораму: от ржаного поля начинался спуск к неширокой, метров в сто, полосе леса. За лесом некрутой подъем, и что там, рассмотреть пока не удавалось.

Он передохнул, снял с шеи автомат и, пригибаясь, направился к лесу. Выстрелы по-прежнему раздавались слева и справа, впереди же, куда он шел, стояла полнейшая тишина. И не было ничего подозрительного, что еще больше настораживало его, держало нервы в предельном напряжении.

За полосой леса спуск стал круче, а низина оказалась заросшей то ли осокой, то ли камышом. По всем признакам, впереди должна быть река, если она не высохла. Очередная ракета справа высветила противоположный берег, более крутой и высокий, но более родной, притягивающий его словно магнитом. Оттуда, с самой высоты, небо вспорола огненная трасса. С противоположного берега ответили тем же – видно, перестреливались дозорные, предупреждая о своем бодрствовании.

По-прежнему методично взмывали вверх ракеты, Александр падал в траву и ждал, когда они погаснут.

Свет этой ракеты был, казалось, намного ярче прежних, и Александра тут же увидели: трассирующие пули потянулись к нему, зашлепали о землю над головой. И негде ни спрятаться, ни укрыться. С нашей стороны тоже открыли стрельбу, и тоже по нему. Он прыгнул вправо, влево, стараясь сбить стрелков с прицела, по-кошачьи забирался вверх. Наши, кажется, догадались, в чем дело, и перенесли огонь на немцев, прикрывая его. Он уже видел, откуда стреляют наши, видел бруствер окопа – до него метров пятьдесят, – еще чуть-чуть, еще немного сил.

Он услышал приближающийся свист и догадался, что это снаряд или мина, хотел припасть к земле (поможет ли?), но не успел – пламя ослепило его, швырнуло в сторону. В спину что-то ударило тяжелое, тупое; его окружило, завертело и понесло куда-то в черную пустоту...

16

9/VII 1941 г.... Боевой вылет с бомбометанием по танкам в районе Полонное, Чернобоки. Высота – 2500. Ночь. Продолжительность полета – 4 ч. 30 м...

(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)

Капитан Петровский тоже ожидал улучшения обстановки, а она, как назло, все ухудшалась. Наши войска отступают, полк несет большие потери. А тут еще диверсанты... Обстреливают наши самолеты на взлете, подают сигналы ракетами немецким бомбардировщикам, когда те пролетают над нашим аэродромом...

Начальство очень им недовольно, требует более решительных действий...

Вчера ночью Петровский с приданной ему группой в двадцать человек пытался захватить диверсантов. С вечера на границе аэродрома по взлету самолетов устроили засаду. Дождались, когда диверсанты пустили очередь трассирующих пуль по взлетающему бомбардировщику – они оказались совсем близко, – и группа бросилась на выстрелы. Однако захватить никого не удалось. Не только захватить – увидеть: диверсанты словно сквозь землю провалились. Лишь стреляные гильзы да следы от колес мотоцикла удалось обнаружить на том месте, откуда велась стрельба.

Начальство снова очень недовольно Петровским: «Не обеспечил...», «Не учел...», «Не предусмотрел...». Да что начальство – он сам собой не доволен. Упустить каких-то двух-трех человек... Пока группа Петровского искала диверсантов в селе, куда привели следы мотоцикла, они стали подавать сигналы ракетами с другой стороны аэродрома появившимся немецким самолетам.

Но чем больше неудачи преследовали оперуполномоченного, тем сильнее и крепче становилась его уверенность в скорой поимке диверсантов и разоблачении радиста, тем хитрее он готовил им западню. И кое-чего успел уже добиться: ему удалось установить, что двое диверсантов в форме наших пограничников (один в звании капитана, второй – лейтенанта) дважды побывали в селе Айш, в военном городке и даже на базе ГСМ, где заправляли мотоцикл бензином (капитан Нурахметов, начальник ГСМ, объяснил, что они предъявили ему такую грозную бумагу с требованием оказывать всестороннее содействие во всем, заверенную гербовой печатью, что он не рискнул спросить другие документы). Да если б и спросил, ничего не добился бы: уж коли они обеспечены «требованием содействия», другими документами – тем более. Правда, Нурахметов из-за страха и ротозейства мог и присочинить: кроме бензина, он снабдил «пограничников» двумя фляжками спирта, батарейками к карманным фонарикам, о чем умолчал.

Факты весьма существенные, подтверждающие, что диверсанты оторваны от своей базы, вынуждены обращаться к советским военнослужащим, надеясь на свои всеисильные документы и на доверчивость советских людей... И не только на это: кто-то же снабжает их ценной информацией...

Почему Нурахметов умолчал о спирте и батарейках? Только ли из-за страха?.. Ведь он знает не только то, сколько самолетов планируется на боевые задания, но и в какое время намечается взлет, по каким маршрутам пойдут группы. Рацию можно возить с собой в мотоцикле. Отъехал куда-нибудь в сторону – и стучи ключом...

По распоряжению начальника гарнизона в авиагородок и на дороги, связывающие аэродром с городом и окраинными селами, выделены дозорные. Им поручено проверять документы у всех, независимо от звания, и подозрительных задерживать. Это на день. А ночью капитан Петровский снова должен заняться поимкой диверсантов. На этот раз операцию он продумал

более тщательно, и бойцов ему выделили, несмотря на трудности с людскими резервами, в три раза больше. Инструктаж группе Петровский назначил на 19.00. Оставалось полчаса, а он только возвращался с совещания от начальника особого отдела. Хотел заехать домой, к Оксане (минут десять можно было выкроить), но настроение было такое прескверное (и из-за разноса на совещании, и от усталости, и оттого, что был голоден), что лучше было Оксане не показываться: она очень чувствительна ко всяким его неурядицам и будет переживать больше, чем он. «Вот разделаемся ночью с диверсантами, – думал он (он почему-то был уверен, что теперь им не уйти), – тогда заеду домой и там часа три отдохну».

17

*9 июля 1941 г....Наша авиация бомбардировала Констанцу, порт
и транспорты в Тулче, Сулине, нефтепромыслы в Плоешти...
(От Советского информбюро)*

Темнело не по-летнему быстро – с запада наползали мощные кучевые облака. И Петровский, выйдя из столовой, принял решение выслать группы к местам засад минут на пятнадцать раньше. Пока он давал последние напутствия старшим, закончили ужин летные экипажи – вылет у них назначен на 22.00 – и дневные дозорные. Из докладов дозорных начальнику штаба выходило, что никаких происшествий и подозрительных явлений на дорогах не случилось. Петровский ожидал другого и потому счел необходимым самому поговорить с дозорными.

Старшие обстоятельно доложили, сколько и каких машин проследовало по их участку; в основном это были бензовозы, масловозы, грузовики с бойцами, с эвакуированными. Действительно, ничего интересного. Днем, видно, диверсанты отсиживались в укрытых местах. А если и ночью они сегодня не рискнут выйти или умчаться в другое место?

– Да вы не расстраивайтесь, товарищ капитан, – заметив огорчение на лице Петровского, стал утешать его немолодой старшина. – Поймаем этих наводчиков, как пить дать. Вон и пограничники нам на помощь подключились.

– Какие пограничники? – удивился Петровский. На совещании у начальника особого отдела присутствовал и представитель пограничников, но на просьбу принять участие в поимке диверсантов он ответил, что у них не хватает сил охранять побережье.

– Наши, с побережья, – пояснил старшина. – Капитан и лейтенант. На мотоцикле. Они стоят недалеко от нашего поста на шоссе на дороге.

«Они!» – Петровский почувствовал, как сумасшедше забилось сердце и на лбу выступила испарина.

– Они и сейчас там? – Петровский уже знал, что ему делать.

– Нас сменили, а их пока нет.

Недалеко от курилки сидел на своем мотоцикле лейтенант Пикалов, попыхивая папиросой. И ни одной грузовой машины. А чтобы захватить диверсантов, надо взять с собой хотя бы человек пять. И вызвать машину. Но прежде позвонить пограничникам – уточнить, не изменили ли они свое решение. Может, представитель доложил командиру отряда, и тот распорядился выделить двух человек?

Петровский быстро поднялся по ступенькам в кабинет заведующей столовой – телефон имелся только там – и позвонил на коммутатор:

– Нимфу прошу.

– С Нимфой уже часа два как связи нет, – ответила дежурная.

«Работа диверсантов». Это еще больше убеждало Петровского, что на дороге не пограничники.

– Соедините тогда с Тридцать первым.

– Слушаю Тридцать первый, – отозвался командир БАО.

– Семен Петрович, срочно вышлите машину к столовой... Какая есть под рукой. Немедленно.

Дозорные в четыре глаза вопросительно смотрели на Петровского: неужто пограничники – не пограничники?

Лишь Пикалов по-прежнему сидел на мотоцикле, беззаботно болтая о чем-то с начхимом капитаном Деревянко, назначенным командиром группы задержания.

– Товарищ лейтенант, вы что, не летите сегодня? – обратился Петровский к Пикалову.

– Машина в ремонте. – Пикалов сбил пепел с папиросы. – Командир летает, вывозит летчиков ночью. А в чем, собственно, дело?

– Дело в небольшом... – Петровский колебался, стоит ли привлекать члена экипажа командира эскадрильи. Если что случится с Пикаловым, полковое и его, Петровского, начальство будет очень недовольно. А почему недовольно? Не в личных же целях Петровский использовал начальника связи! Дорога каждая минута. Надо не дать уйти мнимым пограничникам. – В вашем мотоцикле. Не могли бы вы подбросить нас со старшиной к развилке на Саки и Айш?

– О чем речь. – Пикалов поднялся с сиденья, затушил окурок и отнес его в урну. – Я в вашем распоряжении.

– А вам, товарищ капитан, – повернулся Петровский к Деревянко, – как только машина подойдет, группу в кузов и тоже к развилке. Оружие держать наготове. – Петровский достал пистолет, щелкнул затвором, загоняя патрон в патронник. – И вам, – дал он команду Пикалову и старшине.

– Вы думаете?.. – удивленно округлил глаза старшина.

– Думаю. Садитесь в коляску. Мы с лейтенантом будем вести с пограничниками разговор, проверять у них документы. Вам же следить за каждым их жестом, движением. Быть готовым опередить их. Стреляете хорошо?

– Да вроде бы... Из тридцати двадцать восемь выбивал.

– Вот и отлично, теперь представляется возможность на деле отличиться.

Пикалов и старшина перезарядили пистолеты. Мотоцикл взревел и рванул с места.

Сигнал остановиться – карманный фонарик мигнул несколько раз – они увидели, не доезжая развилки. Пикалов сбавил скорость.

– Приготовиться, – скомандовал Петровский.

Все трое расстегнули кобуры, сняли курки с предохранителя.

Было еще не так темно, и Петровский хорошо рассмотрел загорелое худощавое лицо капитана, его внимательные глаза, тонкие плотно сжатые губы. Ему было лет сорок, лейтенанту, круглолицему, тоже чернявому, лет тридцать.

Капитан осветил всех троих фонариком, всего по секунде, лишь на Петровском задержал луч чуть дольше и потребовал властно, как и подобает ответственному человеку:

– Документы. Проверка.

Петровский, Пикалов и старшина слезли с мотоцикла и встали, как было обговорено дорогой: Петровский – напротив капитана, Пикалов – напротив лейтенанта, а старшина позади, так, чтобы хорошо видеть обоих подозреваемых.

Петровский первым протянул удостоверение личности капитану. Тот осветил его, полистал, задержал взгляд на фотокарточке. Посмотрел на Петровского, снова на фотографию.

– А-а, соседи, Меньшиковские, – удовлетворенно произнес капитан. – Как поживает Федор Иванович?

Петровский хорошо знал, что разведчик – это человек, обладающий незаурядными качествами: невозмутимым спокойствием и мгновенной реакцией, находчивостью и изобретательностью, умением читать мысли противника и навязывать ему свою волю.

Если перед ним стояли разведчики, то они были талантливы: ситуация складывалась не в их пользу – двое против троих. Для какой цели прибыли эти трое, было яснее ясного...

Вопрос капитана как бы развеивал подозрение: видите, мы знаем даже имя командира полка... Может, и в самом деле они пограничники?.. Что ж, теперь твоя очередь, капитан Петровский, показать свою находчивость, изобретательность...

– Федор Иванович неплохо поживает. – Над ответом мудрствовать особенно не пришлось, а вот вопросик следует подбросить позамысловатее. Посмотрим, как вы знаете свою заставу... – Скучает, правда, по Машеньке. Как она там?

Петровский, пожалуй, не увидел, а скорее почувствовал молниеносный взгляд лейтенанта в сторону своего начальника. Да, о Машеньке он ничего не слышал. Да и откуда ему знать о маленьком красновато-буром косуленке, которого подобрали весной в горах пограничники. У малыша была сломана нога. Его принесли на заставу, вылечили, выкормили. И косуля так привязалась к своим спасителям, что не покидала заставу. Многие пограничники часами пропадали около косули, научили ее благодарить за лакомства поклонами, бить копытцем и трясти головой, выражая неудовольствие, если кто-то дразнил ее или ругал. Косуля стала любимицей всей окрестной детворы...

Да, лейтенант о Машеньке не имел понятия. Его интересовали другие имена, имена командиров...

Капитана же вопрос не смутил. Он даже усмехнулся про себя: вздумал старого воробья мякиной в силки заманивать. Ответил с иронией:

– Ничего Машенька. У нее забот меньше.

Достойный ответ. И все-таки знает он, чье это имя?

– Не напугали ее фашистские самолеты? Не сбежала? – задал Петровский более конкретный вопрос.

Капитан снова пожал плечами. Зато лейтенант приободрился, съехидничал:

– Это ваши женушки кинулись от вас, сломя голову. А наших не напугаешь. – И вдруг осекся.

Капитан вернул Петровскому удостоверение личности, посмотрел на Пикалова. Начальник связи протянул свое.

– Далеко путь держите? – спросил капитан, желая, видно, сменить тему о Машеньке.

– Да вот сюда же, по этому же делу, по которому и вы.

– Отлично, – обрадовался капитан, возвращая Пикалову документ. – Хоть на ужин подмените нас. С утра не ели. – Глянул на старшину: – А-а, это вы. На вторую смену?

– Приходится. Людей не хватает.

– Вот и у нас, – вздохнул капитан. – На ужин подменить нечем. – Он взглянул на часы.

Машина что-то задерживалась. Отпускать же капитана и лейтенанта было нельзя...

– Конечно, мы одни тут справимся, – сказал Петровский. – И непонятно, зачем вас сюда, на наш участок, послали? Кстати, разрешите и нам ваши мандаты посмотреть.

– Пожалуйста, – улыбнулся капитан и достал из нагрудного кармана точно такое же, как у Петровского, удостоверение. Подписано оно было прежним начальником заставы, сменившимся год назад. Все в документе было правильно и точно. Другого Петровский и не ожидал. Но возвращать документ он не торопился: «Что-нибудь не так?!» – должен спросить капитан, или: «Да, я прибыл на заставу, еще при Афанасьеве. Теперь же у нас начальник Rogozinskiy». Но капитан ни вопроса не задавал, ни объясняться не собирался. Стоял расслабленно, ни одной черточкой не выдавая внутреннего напряжения... Нет, не у каждого на лице можно прочитать мысли...

Не вызывало подозрений и удостоверение личности лейтенанта. А вот нервы у него были намного слабее.

– Закурить не найдется? – обратился он к Пикалову. Одна из уловок отвлечь внимание. Но Пикалов молодец, отрицательно покачал головой. А старшина – разиня, полез за папиросами. Поверил, что они пограничники...

Со стороны гарнизона донесся гул автомашины. Отлично. Теперь-то им не уйти...

Лейтенант помял папиросу, сунул в рот. Старшина хотел услужить и спичкой, но лейтенант остановил его.

– Спички у меня есть.

Петровский краем глаза увидел, как он сунул руку в карман галифе. Досмотреть не успел: в руке капитана блеснул пистолет. Петровский ударил его по руке. Грохнули выстрелы.

Капитан дернулся и обмяк, ноги его подкосились...

Подъехал грузовик с группой захвата. Но помощи уже не требовалось: на земле лежали трое – капитан, лейтенант и старшина.

– Опередил, гад, – кивнул на лейтенанта Пикалов. – Я ж за вас больше переживал, за капитаном следил...

Петровский снял с капитана и лейтенанта полевые командирские сумки, достал из карманов удостоверения личности, портсигары, блокноты. В коляске мотоцикла нашлось и то, что окончательно подтверждало подозрение оперуполномоченного, – портативный радиопередатчик...

18

*12/VII 1941 г....Боевой вылет с бомбометанием по танкам в районе
Фастов, Белая Церковь. Высота 1500. Ночь...
(Из летной книжки Ф.И. Меньшикова)*

Еще одна летная ночь окончилась благополучно: летавшие на боевые задания экипажи вернулись невредимыми на свой аэродром, два молодых летчика, присланных на пополнение, вылетели самостоятельно. Прекратилась и стрельба из автоматов по нашим взлетающим самолетам, наведение ракетами немецких бомбардировщиков. Пикалов и Петровский ходили героями; только о них в полку и разговоры – как ловили диверсантов, как вступили с ними в единоборство и прикончили их. Рассказывают такое, чего и не было.

Меньшикову даже обидно стало за летчиков: в каждом вылете они подвергают себя большой опасности, и разве их подвиги можно сравнить с обезвреживанием диверсантов, а поди ж ты, какой фурор! Он понимал: то, что совершают летчики, никому не видно отсюда, и воздушные бои, бомбежка, дуэли с зенитной артиллерией стали обыденным явлением, а схватка с диверсантами – первый случай на всем Крымском побережье. Петровский сразу приободрился, повеселел и стал более благосклонен к своему соседу и прежнему приятелю, но у Меньшикова от этого сердце не оттаяло: людей, которые забывают дружбу, перечеркивают все прежнее ради своей цели, он не понимал и не прощал. Правда, у Петровского было смягчающее обстоятельство: ему приказали обезвредить вражеского агента в два дня; но пренебречь мнением своего приятеля, не посчитаться с ним – это было вне логики Меньшикова.

И все же, как бы там ни было, после обезвреживания диверсантов работать стало спокойнее, и летные экипажи, улетаая на боевые задания, чувствуют себя увереннее, не думают: а не подложил ли кто-нибудь в самолет замедленную мину?

Меньшиков впервые за все эти дни позавтракал с аппетитом. Донесение в штаб корпуса было отправлено, срочных вводных не поступило, и можно было хоть пару часиков отдохнуть. Для большего спокойствия он все же решил заглянуть в штаб (хуже всего, когда только задремлешь, а тебя разбудят) – и пожалел: начальник строевого отдела старший лейтенант Дехтярь поджидал его с кипой бумаг, которые требовалось подписать. Откладывать на потом было не в правилах Меньшикова: человек тоже ночь трудился, – и он сел за бумаги. Так и пролетел час за чтением директив, за подписанием строевых записок, заказов, запросов, распоряжений; и, когда он вышел из землянки, солнце уже висело высоко над горизонтом и палило по-прежнему беззастенчиво, немилосердно.

По дороге из города мчался мотоциклист, оставляя позади клубы пыли. «Не иначе, Петровский», – подумал Меньшиков: в полку было только два мотоцикла – у Пикалова и Петровского. Пикалов после завтрака отправился на отдых, Петровский же снова где-то мотался.

– Товарищ майор! – позвал его снизу Дехтярь. – Вас к телефону оперативный дежурный из корпуса просит.

«Началось», – вздохнул с сожалением Меньшиков. Теперь, наверное, не уйдешь. Он тяжело и нехотя спустился по ступенькам.

– Слушаю. Двадцать первый.

– Доброе утро, Федор Иванович, – узнал он голос бывшего сослуживца майора Лебеда, ныне инспектора по технике пилотирования корпуса. – Как ты там живешь-можешь?

– Да живем помаленьку и можем не лучше. Сам знаешь, как с техникой. Не слышно, когда пришлете нам что-нибудь?

– Насчет техники не знаю, а вот люди твои потихоньку объявляются. Только что телеграмма из Ростова поступила. Туманов там в госпитале находится, с тяжелым ранением.

– Туманов?! – воскликнул Меньшиков не в силах сдержать радость. – Вот это хорошая новость. А еще кто?

– Больше никого.

У землянки пророкотал мотор мотоцикла и заглох. Точно, Петровский.

Майор вышел из землянки. Петровский поставил мотоцикл недалеко от входа и, увидев командира полка, протянул ему руку.

– Привет труженикам неба. Над бумагами корпим, а отдыхать когда будем?

Его покровительственный тон раздражал Меньшикова – ишь, заботливый какой, – и майор ответил, не скрывая иронии:

– Коль начальство не возражает, почему бы и не отдохнуть? Диверсанты прихлопнуты, экипажи все вернулись – можно спокойно поспать.

Петровский нахмурился. Он заметно похудел за эти дни, резче обозначились скулы, глаза ввалились, и их взгляд стал еще пронзительнее; подбородок заострился и сильнее выступал вперед; в профиль он очень смахивал на Мефистофеля.

– Если не считать тех, кто улетел раньше, – с сарказмом ответил Петровский.

– Кстати, кое-кто, кого ты имеешь в виду, тоже вернулся. Правда, тяжело раненным, но, во всяком случае, не предателем.

Петровский скептически усмехнулся:

– Что тебе еще известно? Ты хоть знаешь, где сбили твоего Туманова?

– Знаю. В районе Соколя.

– Правильно. А где его подобрали?

– Какое это имеет значение?

– Большое. Под Озерянами. Это более ста километров от места падения. Не слишком ли много он прошел за двое суток по оккупированной территории?

– Почему прошел? Наверное, пролетел на подбитом самолете.

– Три экипажа видели, как его самолет упал в районе Соколя.

– Значит, его подобрали наши отступающие части. Не немцы же доставили его в госпиталь!

– Не немцы, наши. Дело в том, что Туманова ранило не в самолете, а при переходе линии фронта. Правда, никакой там линии не было, и все-таки...

– Значит, он тяжело ранен? – Комок подкатил к горлу, и злость на Петровского мгновенно вытеснила жалость к Туманову.

– Тяжело, – подтвердил Петровский. – В ноги и в спину. – Петровский помолчал. – Так как думаешь, можно за двое суток пешкодралом сотню километров преодолеть?

– Если Туманов преодолел, значит, можно. К счастью, – я так считаю, – он жив и все объяснит.

– Разумеется, – утвердительно кивнул Петровский. И это снова взорвало Меньшикова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.